

Поизмаятая роза
или Забавное похождение
прекрасной Ангелики с двумя удалыцами

ТЕМНЫЕ СПРАСКИ

SALAMANDRA P.V.V.

ПОИЗМЯТАЯ РОЗА

или Забавное похождение
прекрасной Ангелики
с двумя удалцами

Перевод
с италианского

Salamandra P.V.V.

Поизмятая роза или Забавное похождение прекрасной Ангелики с двумя удальцами. Пер. с италианского. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 82 с. — (Темные страсти).

Книга «Поизмятая роза, или Забавное похождение прекрасной Ангелики с двумя удальцами», вышедшая в свет в 1790 г., уже в XIX в. стала библиографической редкостью. В этом фривольном сочинении, переиздающемся впервые, описания фантастических подвигов рыцарей в землях Востока и Европы сочетаются с амурными приключениями героинь во главе с прелестной Ангеликой.

**ПОИЗМЯТАЯ
РОЗА**

ПОИЗМЯТАЯ РОЗА

или

ЗАБАВНОЕ ПОХОЖДЕНИЕ

ПРЕКРАСНОЙ

АНГЕЛИКИ

съ

ДВУМЯ УДАЛЬЦАМИ.

переводъ съ Итальянскаго.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

съ дозв. указн. 1790 года.

Представляю свету приключения Ангелики, коея красота столь была велика, что Европа и Азия сохраняют и теперь еще одну в памяти.

О Ариост! честь Италии! ты воспевший битвы Героев, Героинь и мою Ангелику, ты звучащий с таким искусством Героической трубою и забавляющийся на тимпане шалостей, уступи мне сие последнее орудие, на коем ты производишь столь приятные звуки! — О естли бы я мог подобно тебе воспользоваться оным, то разсмешил бы Грации и развеселил самый суровый разсудок.

Волшебница Миранда, Царица прекраснаго Царства Кашемирскаго была и прелестна и бессмертна, но была несчастлива. Верно подумают, что она царствовала так, как царствуют в Азии; и поелику подданные ея были худо управляемы и несчастны, то и Миранда не могла быть благополучна. Совсем не то было причиною; государственное правление было мудро и Царица обожаема была от своих подданных. Правда, что она не заботилась сама о управлении; но вместо того силою волшебнаго жезла своего обрела она правосуднаго, и что весьма редко случается, вместе высоким разумом одареннаго человека. Он согласился для блага общаго отречься от мирнаго уединения и принял на себя тягостное бремя управлять другими. С сим правителем водворились в Кашемире совершенный мир с соседями и внутренняя тишина утверждаемая добрыми законами. Правосудие доставляемо было каждому без всяких затруднений, поспешно и без лихоимства. Вельможи отложили гордость свою, государственные Казначей перестали быть наглыми и самые Брамины менее стали суеверны. Можно сказать, что Миранда с помощью сего добраго Министра царствовала весьма порядочно.

Одно токмо пламенное желание, к исполнению коего Миранда потеряла уже всю надежду, возмущало блаженство ея жизни. Она желала, как женщина и Царица, иметь детей. Тысячекратно делала она все то, что потребно для соделания себя матерью, но все было без успешно: и когда уже совсем отчаялась носить когда-либо столь приятное имя, пришло ей на мысль вопросить Татарское прорицалище.

Оно в Азии известно было под именем Златаго прорицалища, по тому, что отверзть уста его неиначе было можно, как пособием золота.

Волшебница приезжает в Тибет и приходит к великому Ламе. Она взяла с собою золота гораздо больше, нежели сколько бы потребно было для побуждения к пророчеству и самого молчаливаго жреца. — Он отверз священные уста Свои, и одно только произнес слово: *Галафрон*.

Для Миранды, которая и прошедшее и настоящее все знала на перечете, прорицание сие было удобопонятно. Ей известно было, что *Галафрон*, сын Царя Китайскаго, что сей Князь был уже двадцати одного году без десяти только дней, и что по закону Китайскому наследник престола по исполнении двадцати одного году имел уже право на получение серали состоящей из ста женщин. Из сего заключила она, что и ея собственная польза и честь Татарскаго прорицалища требовали скорейшаго ея в Китай отъезда, тем больше, что человек, которому через десять дней дана будет целая сотня прекрасных женщин, не много уже в ней тогда иметь будет нужды.

Миранда в самое короткое время съездила в Нанкин, видела Галафрона, полюбила его, ему понравилась и получила желаемое. Плененна и торжествующа возвратилась она в Кашемир хваля божественный совет великаго Ламы, а Галафрон между тем вступил в сераль свою и прелестным женам своим довольно оказал холодности.

Наконец Миранда разрешилась от бремени дочерью, коея рождение праздновано было со всевозможным торжеством и великолепием; при чем Царица открыла волю свою увековечить воспоминание благополучнаго сего случая знаменитыми карусельными играми, кои определено иметь ежегодно.

Княжна рожденная Мирандою наречена *Ангеликою*. Сея то Героини предприемлю я описать похождения иключения, в чем добрый Архиепископ Турпин будет моим вождем и наставником.

Четыре или пять волшебниц, с которыми Царица имела дружество прибыли в Кашемир для принесения рож-

денной даров своих. Первая из них подошед к младенцу сказала: будь прекрасна, как самая лучшая из Гурий. — Обладай всеми приятностями, говорила другая весьма прелестная молодая волшебница: приятности лучше самой красоты. — Она будет нежна подобно горлице, прибавила третья. — И кротка как агнец прыгающий по лугам, подхватила четвертая. Но пятая волшебница Кавказия, которая притворная святость была известна, а волокитства скрытны, взяла младенца на руки и сказала: ты будешь иметь Соломонову премудрость. — Боги! возопила Миранда: возможно ли Кавказия что бы женщина имела столько премудрости? это дар весьма неудобный и не естественный для нашего полу; по твоему судя, можно агнца сделать злобным, а львицу одарить кротостию. — Довольно ответствовала Кавказия, я разумею, дар мой уже не возвращен.

Между тем Царица испытавшая уже справедливость золотого прорицалища, послала спросить его о судьбе Ангеликиной и получила следующий таинственный ответ:

Сия роза просияет бессмертными прелестями, если до осмнадцати лет не повредится; если же каким-либо случаем завянет, то стеблие пресаждено будет на берега Гангеса.

Если не повредится! говорила удивленная Царица; но бывал ли когда цвет во столько времени не поврежденный? Что такое значит пересаживание? неужели воды Гангеса имеют такую силу, что бы оживлять поврежденные розы? — без сомнения прорицалище надо мною издевается. Миранда вспомнила о Кавказиином даре и удивилась. Она думала, что премудрость Султана Соломона при помощи волшебной силы произведет может быть безпримерное чудо и решилась испытать сие.

Между горами окружающими Кашемирское Царство, находилась одна возвышеннее прочих, со всех сторон утесиста и ограждена стремнинами. По повелению Миранды в самое короткое время воздвигнуто на вершине оной великолепное здание и с той стороны, с которой удобнее было пройти к оному, она поставила на стражу с полдюжины бесов с тем, чтоб они недопускали ни одного мушны.

По принятии сих предосторожностей, Миранда отвезла туда Ангелику в сопровождении великой толпы определенных к ней смотрительниц и наставниц во всяких родах знания. Ей хотелось, что бы дочь ее приобрела великия познания, считая оныя покровителями женской добродетели, в чем она почти не ошиблась. И сам Архиепископ Турпин признает, что ученая женщина, есть столь мало привлекательное существо, что всякой умной человек расположен более убежать от нее, нежели к ней прилепиться.

Ангелика в приятном своем уединении возрастала в красоте, в приятностях, в нежности, кротости и мудрости. Она великие оказала успехи в танцованье и музыке. В двенадцать лет она знала Арабской язык, который не только в Азии употребителен был, но по завоевании Мавританцами Испании вошел уже и в Европе в употребление. Что же принадлежит до Философии, Астрологии и других наук, столько же оныя знала, сколько ее наставницы.

Между тем приближалась уже минута, назначенная судьбою для испытания добродетели молодья Княжны. В тот радостный день, в который она вступила на четырнадцатый год, открыты были карусельныя игры производившися ежегодно в Кашемире по случаю ее рождения.

Царица окруженная двором своим находилась на просторном балконе, в конце поприща воздвигнутом; по сторонам же онаго сделаны были места в виде амфитеатра, кои преисполнены были зрителями, а сражающиеся устроились на усыпанной песком площади в надлежащий порядок.

Лишь только дан был знак трубами для открытия действий, вдруг явились два рыцаря в последовании четырех оруженосцев, кои везли за ними щиты и копья. Один из рыцарей облечен был воинскою одеждою синяго цвета усеяною златовидными лилеями; шлем его осенен был перьями такого же цвету; на щите его изображены были три лилеи по лазоревому полю. Одежда другаго была серебряной парчи; по золотому шлему его развевались белья перья, на щите его изображен был серебряный орел в красном поле: благородный вид и воинственная величавость сих чужестранцев обратили на себя взоры всего собрания, а особли-

во женщин.

Они посмотрели на ратников собравшихся на месте сражения, и невидя из них ни одного достойного противодействовать их крепости, подъехали к балкону, на коем находился двор, сделали надлежащее приветствие и забавлялись разсматриванием дам, как между тем начались действия, в коих они не думали иметь ни малейшего участия.

Однак ж они в том участвовали, и гораздо больше, нежели бы хотели. Ража Синдаб, рослый и статный Индеец, был один из шести Капитанов телохранительного войска волшебницы, (не подумайте, что бы волшебница имела нужду в какой либо страже, ей токмо нужны были начальники оной). Синдаб при всей низости души будучи в качестве главного любимца, неукоснил надуться величавостию высокому сану обычною. Он одержал однакож над пятью или шестью Кавалерами победу, которою чрезмерно возгордился.

Взошедши на балкон, на коем находилась Миранда увидел он двух рыцарей, кои на все сии происшествия весьма мало имели внимания. Чужестранцы, сказал он им, разве вы для того только сюда приехали, что бы быть зрителями? — У нас такие вопросы никогда неостаются без наказания, отвечствовал гордо рыцарь с синими перьями: сойди сюда для получения ответа. По сих словах взял он у оруженосца копьё свое и отъехал в конец поприща. Синдаб распаленный гневом, садится на гордаго коня своего, берет оружие и летит к своему сопротивнику. Они встречаются среди самой площади: Индеец поражает чужестранца копьем своим, но удар сей не более над ним действует, как северный ветер над Кавказскою горою. Между тем Синдаб получает столь тяжкой удар, что свергается с коня своего и шагов на десять отлетает. его тотчас подняли; он объемлется стыдом и неистовством, берет кинжал, и в такое время, когда рыцарь перестал уже о нем и мыслить, подкрадывается к нему и делает удар, который однакоже, благодарение добрым доспехам, не повредил чужестранца. При сем нечаянном нападении рыцарь извлекает меч свой, который находясь в таких руках не умел легких ран делать; вот как я наказываю

подлых тварей! сказал ему, и одним разом отхватил Индейцу голову.

Миранда забывши на сей раз и сан свой и силу чародейства пришла в изступление, как обыкновенная женщина. Она приказала схватить преступника, но не легко было исполнить ее повеление. Тщетно тысяча мечей извлекаемы были противу двоих рыцарей; они иных сражали, других низвергали, иных ранили, иных умерщвляли; одному разсекают до зубов череп, другого пронимают до чрева, всем наносят смерть или ужас. Устрашенные Кашемирцы не находя к спасению своему кроме бегства никакого способа, разсыпаются в разные стороны.

При сем поразительном зрелище, волшебница призывает в помощь все адския силы; но заклинания ея нимало уже не действуют, преисподняя ей не повинуетя, не отвечает, и оставляет ее обремененну скорбию и удивлением.

Незнакомые ратоборцы вложив в ножны страшные мечи свои приблизились к господам, которых при виде их вострепетали. Государыня! говорил рыцарь с синими перьями, оборотясь к Царице, почитаемый а часто и покровительствуемый мною пол ваш защищает вас от моею гнева. Я то только предварительно скажу Вашему Величеству, что безумное есть дело наводить на гнев таких ратоборцев, каковы суть Ренод и Роланд. После сих слов они удалились тихими стопами и выехали из городу в последовании оруженосцев.

Миранда вышед из замешательства, стала пробегать книги для осведомления, кто таковы были сии два человека, и для чего адския силы неповинулись ея велению. Тут узнала она, что один из них был непобедимый рыцарь Роланд, Граф Анжерский, племянник Императора Карла великого, а другой славный Ренод Монтобанский; что они по наставлению волшебника Могиса двоюродного брата Ренодова достигли до крепости Агора в великом Тибете находящейся, овладели Дурандалем и Фламбергом, кои стрегомы были страшным великаном. В то время волшебница удобно поняла, для чего ад ее не послушал. Она знала, что Дурандаль и Фламберг были страшные мечи омоченные в Стиксе, коими низлагались самая крепкия ополчения и разго-

няемы были самые сильные чародейства; что против таких ратоборцев и таких оружий гнев был бы суетен и сила бесполезна.

Между тем, как Миранда предавалась горести своей, рыцари удалились от Кашемира и направили путь свой к Западу. Они согласились прейти Персию, Сирию, Египет и севши на корабль в Александрии ехать во Францию, где Император имел нужду в скорой их помощи. Они узнали, что Аграман, Король Срацинской и Марсиль, Король Мавританской намерены были соединив силы свои ворваться в Карла Великаго государство.

Рыцари не выехали еще из пределов Кашемирскаго Царства, как встретили кавалера, который показался им воином необыкновенным. Он к ним подъехал и посмотрев на них со вниманием, спросил: ужели, милостивые государи, имею я наконец щастие обрести славнаго Ренода и бессмертнаго Роланда? я давно ищу их и нарочно поехал в Кашемир в том чаянии, что они конечно не пропустят случая показать храбрость свою в карусельных упражнениях. — Ты не обманываешься, отвечал ему Ренод: я Ренод, а сей товарищ мой есть Роланд. Незнакомый сошел с лошади, поднял шлем свой, и взяв руку Ренодову, позвольте милостивый государь, говорил ему, облобызать сию непобедимую руку. Я Гидон, сын одного французскаго рыцаря и Селимы Княгини Мингрельской. Известно ли вам сие имя? Ренод также сошел с лошади и обняв Гидона, говорил ему: так конечно, имя твое мне довольно знакомо. Ты сын Герцога Эмона; он часто говорил нам о тебе и о прекрасной Селиме: ты брат мой, котораго я всегда любишь буду. Граф Анжерской также обнял молодаго Гидона; открытый вид его и приятныя обороты весьма понравились рыцарям. Любезной Кавалер, говорил ему Роланд, ты находишься с своими друзьями, и я надеюсь, что мы никогда друг друга не оставим. Это моя участь, отвечал Гидон: поелику вам то угодно, я везде буду за вами следовать, удивляться благородным вашим подвигам и шествовать ко славе по стезям вашим.

Между тем они въехали в лес для препровождения ночи. Древние рыцари спали под деревом или на открытом воз-

духе, так спокойно, как бы и на постеле. Щастие их, естли оруженосцы не забывали о съестных запасах; но сии люди в таком случае были догадливы. —

Ренод во время ужина уверял Гидона сильным образом в своей дружбе. Кто бы поверил любезный мой брат, говорил он ему, что ты воспитан в лесах Мингрельских? по твоему живому и вольному расположению и по приятности обращения твоего скорее можно подумать, что ты родился и воспитан при французском дворе. — Вы мне много делаете чести, отвечивал Гидон, я сих лестных способностей вами мне благосклонно приписываемых в Мингрелии не имел, а был там известен под именем только Гидона дикаго. О! нет, вы не заслуживаете сего имени, говорил Роланд, а оно вам дано было без сомнения какою нибудь Мингрелькою, которой вы не оказали своей благосклонности; вас надобно познакомить с нашими француженками. Оне ко всем чрезвычайно ласковы, а по тому можно ясно надеяться, что и вы таковы же будете к их прекрасному полу.

Как вы далеки от истинны, милостивый государь, отвечивал Гидон: я любил Фатиму; женщины наши суть самыя прекрасныя на земли, но лучше Фатимы конечно нет ни одной во всем свете. Но в то самое время, когда я полагал в ней все щастие, когда ежедневно новыя получал клятвы в неперменной ея ко мне любви, имел трех или четырех соперников, коих она столько же делала щастливыми, сколько и меня. Вот ето прекрасно! прервал Роланд, чтож такое? приключение самое обыкновенное и простое, Фатима ваша поступила так точно, как поступают другия. Но что вы тут предприняли, несчастный любовник? — без сомнения хватились за отчаяние? — Почти так, говорил Гидон: я возгнушался легкомысленною Фатимою, всем ея полон и безразсудным своим легковерием, я убегал общества, и меня назвали диким. Но я не долго был в таком положении; начал думать, что женская склонность к обману и неперестанным переменам так точно естественна, как наклонность реки к морю. Сие справедливое или мечтательное предположение привело меня в разум: я почувствовал, что не только глупо, но едва ли и непостыдно для мужчины безпо-

коиться неверностью женщины; я принял прежний образ жизни, заводил каждый день новые любовные интриги и клялся отмстить Фатиме каждый раз, когда только удавалось мне находить приятных и благосклонно способствующих во мщении моем женщин.

Это для меня чудно, говорил Ренод, что непостоянная Фатима сделала тебя самого непостоянным. Мы покажем тебе во Франции любовниц гораздо вернейших. Да! вы конечно намерены показать ему свою Изабеллу Маянскую? прервал Роланд, а больше незнаю сыщете ли надежных, что принадлежит до меня, я таковых совсем незнаю; правда что я, благодарение небесам, никогда не любил и любить не буду; я очень согласен в мыслях с Гидоном, и радуюсь что он в сем случае так благоразумен. — Несчастной Роланд! при такой твердой на себя надежде он находился в таком точно состоянии, в каком бывает кормщик, который и приближившись уже к камню долженствующему устроить его гибель презирает морския опасности потому только, что никогда неперетерпевал их.

В следующее утро, которое обещало прекрасный день, рыцари отправились в путь, и лишь только выехали из леса, увидели в стороне весьма великолепное здание стоящее на горной вершине. Они так часто слыхали об Ангелике, и о ее замке стрегомом Адскими духами, что увиденный ими признали за жилище княжны Кашемирския.

Я нетерпеливо хочу узнать, говорил Роланд, заслуживает ли сия красавица те похвалы, какие ей приписывают. Не ужели Граф, по твоим мыслям это стоит того, чтоб мы остановились? говорил Ренод. Первое есть то препятствие, что Гидон не может туда с нами войти, неимея пропуска подобного Дюрандалю и Фламбергу. Если бы дело состояло только в посещении Ангелики, отвечал Роланд, то и я бы несогласился устраниваться с дороги, но увидеть несколько дьяволов, это любопытно. Гидон же согласится подождать нас в сем лесу. Рыцари отдали Бридедора и Баярда* оружие-

* Рыцарские Кони.

носцам своим, уверили Гидона в скором возвращении и пошли к замку.

Они прошли без затруднения, и дьяволов совсем невидели. Сила очарованных мечей их разгнала адскую стражу и Роланд обманутый в своем чаянии хотел возвратиться к Гидону; но поелику уже мы в замке, сказал он по том, то можем у княжны позавтракать.

Лишь только вошли они в чертоги, все женщины подняли великой крик: ах! это мужчины! мужчины! и хотели бежать; но вскоре опомнились и охотно остались, что очень естественно. — Мы хотим, Государи мои, говорил им Роланд, отдать свое почтение княжне Кашемирской; пожалуйста проводите нас в ея покои. Одна старая надзирательница ответствовала, что Княжна изволит прохаживаться в саду, а между тем приказала тотчас уведомить ее о прибытии рыцарей.

Сия весть привела Княжну во удивление, но непрогневила. Подруга ея Роксана, дочь Ражи Синдаба, которая обстоятельное имела о мужчинах понятие, старалась княжну в том наставить; но Ангелика с некотораго времени пожелала сама узнать то пояснее.

Она близка уже была к сему удовольствию. Рыцари в провождении Ангеликиных прислужниц пошли к беседке, в коей находилась княжна с Роксаною. Она увидев их смутилась. Один вид их просветил ее гораздо больше нежели все наставления Роксанины.

Они подошли к ней, сделали по весьма низкому поклону и смотрели на нее неговоря ни слова; и правда, что из всех прелестей природы небыло равной в красоте Ангеликиной. Волшебницы сдержали свое слово. Она неуступала в красоте и прелестях ни самой лучшей Гурии или Грации. В довершение опасности для любопытных рыцарей, Ангелика не была убрана и даже неимела на себе ни искры драгоценных камней. Головной убор ея состоял из цветов, легкая одежда столь худо покрывала младую грудь ея, что она бы вся была видна, естлиб пук Ясинов не закрывал одной ея части. Ренод немного забыл своей Изабеллы; что же принадлежит до Роланда, вся душа его в глаза пресели-

лась. Гордый рыцарь перестал быть нечувствителен, сердце его отдалось без сопротивления: он почувствовал пагубную любовь, от коей никогда уже не и целился.

Ренод в меньшем будучи смятении, нежели друг его, прервал наконец молчание. Сему князю, Государыня, и мне говорил он Ангелике, несказанно хотелось видеть удивления достойную княжну Кашемирскую, и теперь мы видим, что прелести ея гораздо превышают тот слух, который о них носится. — Ангелика изъявила Рыцарям удовольствие видеть их у себя с таким ослаблением, которому бы и сама Венера позавидовала. Она спрашивала у них, кто они таковы, каким образом преодолели окружающую замок ея стражу, и делала много других вопросов, на которые Ренод и Роланд отвечали попеременно потому, что Роланд много раз лишался языка. Сей страшный воин приводивший целые полки в трепет, трепетал сам пред незлобивым ребенком, и можно сказать, что по смерти Геркулеса любовь неодерживала еще славнейшей победы.

Ангелика возстала. Нежным станом своим и пленительною поступью она подобила безсмертной Богине юности. В провожании рыцарей ходила она по прелестным садам своим, а потом водила их по великолепным своим чертогам, на которые по видимому истощены были вся восточная пышность и убранство, но рыцари ни на что несмотрели кроме Ангелики.

Проводив целые восемь дней в сем прелестном жилище Роланде и неумышлял еще об отъезде. Он забыв Гидона, Карла великого, Европу и войну и даже самого себя, занимался только Ангеликою. Наконец Ренод напомнил ему, что время уже было с Княжною проститься. Роланд оцепенел от ужаса: Боги! возопил он, оставить Ангелику! никогда уже ее невидеть! Ах, Ренод! понимаешь ли ты всю мою слабость? весь стыд мой? — Стыд твой, отвечал Ренод, ты влюбился, больше ничего: а в этом нет стыда никакого. Так, я люблю, говорил Роланд, люблю безмерно, до изступления. Сердце мое изменило мне при первом взгляде на сию очаровательницу. Чтож такое? сказал Ренод, я знаю, что ни один еще неприятель немог устоять противу твоей

храбрости: Ангелика есть достойный тебя неприятель, победи ее... Победить ее! возопил Роланд, но можно ли победить совсем уже побежденному... Чтож начать? неужели иставать здесь в слабости терзая сердце свое всеми волонкитствами сродными обыкновенным любовникам? но я слышу глас чести призывающий меня на помощь моему отечеству. О плачевная слабость! о низость недостойная такого человека, каков я!.. но оставить Ангелику! удалиться навсегда от сего милого предмета.... Нет, мой друг, я не оставлю ее. Слава, честь, разум, должность!.. О! вы только пустые имена и нимало не составляете счастья. Несчастный Роланд! ступай, великодушный Рыцарь! говорил он Реноду, поди и уведоми всю Европу, что Роланд славу и честь ни во что не ставит, что он учинился подлеишим из человекон... Поди, говорю я тебе, я уже не стою того, что бы сотовариществовать тебе в войне... О Небо, уже из очей моих лиются слезы! ах, друг мой! по крайней мере неговори никому, что ты видел Роланда плачущаго... Разве ты не человек, любезный мой Граф? говорил ему Ренонд, и по какому бы праву захотел ты быть изъят от страстей человеческих? но знай, что я тебя здесь не оставляю; мы все вместе едем: мы увезем и Ангелику. Сие предложение привело Роланда в величайшее смятение, но он вдруг опомнился и говорил Реноду с восхищением: мы увезем ее, так, ее непременно надобно увезти; да и какая бы женщина не поставила себе за великое счастье быть Роландовою женою.

Утвердясь в сем намерении согласились они меж собою, говоря с Княжною вечером так расположить все слова свои, чтобы несколько открыть ей оно и приуготовить ее к принятию отважнаго их предложения.

Лишь только вышла она с Роксаною в рощицу для вечерня прохлады, Рыцари к ней явились. Они начали с нею разговор, и склонили оный к предмету своему так, что намерение их не совсем открыто было. Я чувствительно жалею, Государыня, о вашей участи, говорил ей Роланд; вы осуждены проводить в скучном уединении безценные дни своя юности, будучи сотворены единственно для наслаждения величайшим блаженством, к какому только челове-

чество способно. Это правда, ответствовала Ангелика, что жилище сие неприятно: мы до прибытия вашею никого здесь не видали. Сии слова произвели в Роланде удовольствие и надежду. — Да естли бы, прекрасная княжна, и вывели вас из сего места, то не для иного чего, как для заключения в ужасную сераль какого нибудь Индейскаго Государя. Там будете вы сотая, а почему знать, может быть и тысячная жена властолюбиваго мужа. Но я еще обманываюсь, Государыня, серальских женщин нельзя назвать женами повелителя их: оне только невольницы дрожащая под законами самовластнаго и ревниваго тирана. Он может одним словом располагать их жизнью, и что всего ненавистнее, он даже принуждает их повиноваться суровым приказаниям ненавистных евнухов, ужасных стражей несчастныя красоты. Ах Милостивая Государыня! какая участь для несравненныя княжны Кашемирския! я это знаю, говорила Ангелика, но чем пособить, Государь мой, это моя судьба, необходимость. Для чего щастие, продолжал Роланд, не произвело вас в наших странах? Вы бы одна были супругою какого нибудь Князя, который бы вас обожал; удовольствие и свобода следовали бы везде по стопам вашим; все бы старалось служить вам и нравиться, и вы бы царствовали там над всеми сердцами. Щастию то не угодно было, ответствовала Ангелика. — Ему очень угодно, чтобы вы там были, говорил Роланд с восхищением. Удостоите своего присутствия Двор Императора моего дяди; позвольте нам проводить вас туда; я вам клянусь честью, клянусь чувствованием, которым сердце мое преисполнено, что вы там будете наслаждаться таким знаменитым и приятным жребием, которому все унылыя Азийския Султанши позавидуют. Хотя Княжна на сии слова и неответствовала, но они произвели в ея сердце великое впечатление. Особливое же отвращение почувствовала она к серали и евнухам. Она, правда, не знала что такое евнух, но считала уже его таким животным, котораго она никогда любить не может. Все, что Роланд ни говорил, казалось ей весьма справедливым; она не могла представить себе, чтоб оставшись в Азии можно было избегнуть серали и страшных ея евнухов. Сие размыш-

ление и тайное чувство, которое не совсем ей было понятно, подвигли ее к вожделенному рыцарскому предприятию, которое она на утрии открыла.

Лишь только увидела она Роланда, начала говорить ему: вчерашнее ваше, Государь мой, предложение весьма означает доброе ваше к нам расположение; но если бы случилось нам принять оное, то обещаетесь ли вы во всем исполнить наши желания? При сем нечаянном вопросе, Роланд восхищается радостью и обещает повиноваться во всем ее повелениям. Я полагаю всю свою славу в том, чтобы служить вам, продолжал он, и если бы вы приказали мне доставить вам владычество над всеми народами Индии, они бы тотчас покорены были вашим законам. Ренод также рекомендовал себя к ее услугам. Она согласилась в следующий день отправиться в путь на самой заре.

Ренод пошел тотчас из замка и приказал Оруженосцам при самом начале дня подъехать к замку. Между тем спускаясь с горы увидел он в долине преизрядную коляску запряженную шестью лошадьми. Вот и еще, говорил он, подарок щастия. По том пустился бежать и достиг до коляски: он нашел в ней молодого человека, которому объявил учтивым образом, что в экипаже его имеет нужду и просил его уступить ему оный в замене алмаза, который ему тотчас вынул. Проезжий смеялся его предложению и говорил ему; конечно, друг мой, это происходит в тебе от Схирского напитка, который весьма забавно в голове бродит. Да и рука моя забавно бродит, отвечивал Рыцарь, и между тем стащил с коляски Господина, кучера и почталиона. Теперь я думаю ты знаешь дорогой насмешник, говорил Ренод, что не ловко отказывать в чем либо тому, кто тебя сильнее. Потом сунул он алмаз в чалму проезжаго, проводил коляску в лес, где находился Гидон и Оруженосцы и возвратился в Ангеликины чертоги.

Сия княжна такое почувствовала омерзение к сералам и евнухам, что нетерпеливо желала от оных удалиться. Всю последнюю ночь проводила она у туалета. Она наколола на голову цветок из самых крупных бриллиантов, надела долгое платье с камнями и пояс усыпанный весьма дорогими

рубинами.

Лишь только начинала заря позлащать горизонт, Ангелика в виде гораздо блистательнейшем, нежели самая заря, вышла из чертогов своих в последовании Роксаны и Рыцарей. Влюбленный Роланд находился в высочайшей степени изступления, но между тем он чрезвычайно досадовал, что Ангелика обременена была такими украшениями. Ему бы гораздо приятнее было видеть ее в том легком платье, которое не мешало ему удивляться ее сокровищам драгоценнейшим всех Индейских алмазов. Лишь только приблизились они к ограде, адские Духи разсыпались и оставили им свободный выход. Гидон встретил сих новых товарищей и сделал им весьма учтивое приветствие, после чего посажены оне были в коляску и в провожании рыцарей отправились в путь.

День был прекрасный, поля изобиловали всеми приятностями, коляска была покойна; все благоприятствовало великим путешественникам наполненным радостью и надеждою. Они проехав довольно разстояние расположились на ночлег в пераом Пингабском городе.

Только что Княжна проехала границы Кашемирския, Миранда прибыла в ея замок. Поелику она неимела довольно силы противу рыцарей, то и немогла воспрепятствовать уходу Ангелики. Она воспылала гневом на легкомысленную дочь свою, на рыцарство, на весь свет, а особливо на Кавказию. Кавказия! возопила она, такую то премудрость дала ты моей дочери? скажи мне не потребная, позволял ли когда либо Султан Соломоне увозить себя? При сих словах Кавказия явилась к ней? нет, Волшебница Миранда, ответствовала она, его никогда не увозили, да это и необыкновенно, чтобы с мущиною могло то случиться. Хорошо! Жестокая, подхватила Миранда, где же та премудрость, которую ты обещала Ангелике? Я приезжаю в замок и слышу что она уехала с незнакомыми. Миранда! ответствовала Кавказия, сей отъезд не без ума сделан. Естлибы и сам Султан Соломон захотел уйти с кем, чтобы повидеть свету, то весьма бы разумно поступил, естлибы учинил то недожидаясь приезду отца своего. Вот какое утешение! говорила Миран-

да: но скажи мне Кавказия, каким бы ты образом думала исправить сие зло?

Волшебницы зная, что ни чародейства их противу обладателей Дюрандаля и Фламберга, ни сила против ратоборцев не могли быть действительны, решились для сохранения цвета столь нечаянно подверженного сорванию употребить другое средство, и вызвали из преисподней самого хитрого духа. Лети, говорила ему Миранда, и поселись в поясе Ангеликином; сия возлюбленная девица имеет драгоценную розу, коей хранение тебе я вверяю; ты за нее отвечать мне будешь. Могущественная волшебница, отвечал дух, для охранения цвета столь много от случая зависящего не много бы было и целого легиона мне подобных. Опытность твоя мне известна, говорила Миранда, не отговаривайся больше и лети скорее. В одно мгновение дух сей очутился в Ангеликином поясе. Кавказия опасалась, чтобы сила чародейственных мечей не преодолела и сея стражи. Нет, говорила Миранда, естлибы и случилось Роланду дойти до такой наглости, чтобы напасть на крепость, то он конечно не хватится взять в помощь пагубное свое оружие. Волшебница имела предосторожность очаровать находящихся в замке женщин, зная, что естлибы хотя одна из них вышла из замка, то побег ее дочери немедленно стал бы известен всему свету.

Между тем Ангелика окруженная гораздо лучшею стражею, нежели думала, и нежели хотела может быть, проезжала обширныя провинции Пингабския. Спутники ея внимательно стараясь о предупреждении всех ея желаний изыскивали все, что считали для нее или полезным или приятным. Они уже перестали быть теми трезвыми и во всем воздержными войственниками, кои сыпали прежде на открытом воздухе и утоляли жажду свою в первом попадавшемся им ручье; они не были уже те трудники, кои питались плодами и дикими кореньями: они совсем переродились и из прежних привычек удержали одну только ту, что имели стол всегда под древесною тению. — Когда около полудни останавливались в лесу, то для спутниц своих приносили подушки, сами же ложились у ног их, и Роланд всегда за-

нимал место назначаемое ему любовию. В вечеру обыкновенно посылали они одного из оруженосцев своих туда, где хотели остановиться ночлегом, избирали для себя самые лучшие дома, и требовали гостеприимства; но как им часто в том отказывали, поелику и восточные, подобно другим народам благодеяние считают тягостным, в таком случае Роланд любил употреблять насилие, часто выламывал ворота, выгонял из дому хозяев и господствовал там по своей воле. Гидон в таком случае принимал на себя старание утешать в отсутствии хозяев жен их и довольно успевал в том. Но выезжая из дому они всегда оставляли несколько денег. Таков был притный образ путешествия наших рыцарей.

Может быть кто нибудь спроста захочет спросить, где спали дамы и где кавалеры? Дамы спали совсем особливо, и когда запирали двери своего покоя, Роланд раскинув рогожку сыпал за дверьми, по тому что он не мог совсем удалиться от Ангелики, а сверх того и охранения ея особы не хотел вверять никому другому. В нынешния времена такое поведение довольно бы наделало смеху; но тогда оно было обыкновенно. Правда, что Роланд до сего случая не великое имел к женщинам уважение; но тут любовь преобразила его и снабдила всеми тогдашняго времени предразсудками; он уже похож был на других кавалеров, которые почитали женщин гораздо более, нежели оне требовали, и предприимчивы только были против неприятеля. Роланд не имел и помышления о той дерзости, которую Миранда событочною от него считала. Он надеялся и желал многого, но нетребовал ничего; не только не имел смелости к такому предприятию, но не смел даже ни чем и изяснить любви своей, кроме одной только совершенной во всем услужливости. Удобное к объяснению время казалось ему весьма отдаленным. Можно сказать, что любовь совсем Роланда переродила.

Гидон на против того мыслил сходно с нынешними рыцарями. Из всех ваших подвигов, говорил он Роланду, самый славнейший без сомнения есть тот, который доставил вам Ангелику: но к чему вам служит сия прекрасная любовница? Валяясь у ног Княжны можете ли вы почестся

тем страшным перуном войны, тем ужасом битв, и героем, каковыми быв прежде, все на свете побеждали. Вы воздыхаете, робеете и трепещете; с трудом осмеливаетесь возвести на нее глаза свои. Поверьте мне, Граф! употребляйте с Венерою ту же самую смелость, которая всегда доставляет вам торжество с Беллоною. Вы успеете равномерно с тою и другою. Последуйте мне, я осмелюсь в таком случае представить вам себя примером. Милая Роксана начинает чувствительным образом принимать во мне участие. Я примтил довольные того знаки, и вы увидите, с какою поспешностию и с каким успехом я такие дела исправляю.

Роланд не принял сего совета и шутка Гидонова казалась ему почти Богохулением. Он еще более утвердился в своих мыслях сродных почтительному и преданному любовнику. — Кто более вас должен пользоваться совершенным счастьем! говорил ему Гидон: но уверяю вас, что если вы хотите ожидать его следуя своим правилам, то ожидание ваше бесконечно.

Между тем уже открылся взору их Инд и великий Надабад орошаемый сею рекою. При въезде их в сей город, народ собирался толпами, и чудясь красоте Ангеликиной все кричали: это конечно не смертная, но дочь фо или Бrame. Без сомнения, говорили иные, Брамы наши потребуют ее в замужество котораго нибудь из богов наших; они ее не упустят, да она и достойна сей чести. О какое было бы удовольствие для бессмертных Богов наших! еслибы посвятили им деву сию во святом их Жагренацком храме! для Ангелики такая похвала нелестна была. С самого детства вселили в нее великое почтение к фо, Бrame и ко всей их высочайшей фамилии; что же принадлежит до гнусных и безчувственных жрецов их и до жертвоприношения св. храма Жагренацкаго, то она не имела к ним ни малейшаго уважения.

Выехав из Надабада приняли они путь к Кандагару. Ангелика пленяясь сотовариществом рыцарей твердила о том Роксане безпрестанно. Какая заботливость! говорила она, какая безпрерывная угодения! как сии товарищи отличны от тех, которых мы оставили в скучных своих чертогах!

каков тебе кажется Ренод? что ты думаешь о величественном его виде? о стройном стане его, о благородной поступи, о его обхождении? Так, моя княжна, отвечала Роксана, ты его описываешь верно; но Гидон также весьма любезен. — Без сомнения продолжала Ангелика, Ренод прелестный человк, я незнаю, для чего я немогу на него никогда смотреть без ощутительного движения... А я так очень знаю, говорила Роксана, для чего Гидон так мил глазам моим и сердцу. Я почитаю безмерно Роланда, прервала Ангелика, но когда он бывает с Ренодом, то глаза мои преимущественно устремляются на последняго. Какая бы женщина не пленилась Гидоном, подхватила Роксана. Всегда весел, приятен, предупредителен, подобен самой любви, ктобы взирая на него не возчувствовал удовольствия? Нет, Ренод! говорила Ангелика с воздыханием, я чувствую, что немогу никогда смотреть на тебя без величайшаго удовольствия.

Таковы то упрямые прихоти любви! она располагает слабыми сердцами смертных по своему произволению. Она привлекает Роланда к Ангелике, Ангелику к Реноду, который любит только свою Изабеллу. Честный отец Турпин не может воздержаться от слез о несчастном жребии рыцаря Роланда. Сей Герой был знаменитаго происхождения и одарен был как несравненным мужеством, так и искренностию сродною благородному сердцу. Это без сомнения много значит: но всего онаго недовольно к тому, что бы понравиться женщинам; надобно еще иметь приятный стан. В сем то качестве соединенном с отвагою, женщины, как говорят, находят приятность преимущественную пред всяким другим достоинством. Роланд наш, кажется, довольно имел храбрости. Это был Геркулес, и точно не уступал ему ни в дородстве, ни в мужестве. Но что касается до Ренода, то будучи покрыт своими доспехами мог совершенно назваться самим Богом войны; когда же снимал шлем свой, можно было почесть его сыном Кинаровым. Ангелика при всей своей молодости могла сделать порядочное сравнение; почему Роланд у нее ничего не выиграл; но Ренод, будучи верной любовник Изабеллы и верный друг Роланду употреблял все свои силы к отвращению славнаго преимущества,

коим его почтили.

Рыцари проезжая мимо некоторого небольшого города остановлены были печальным позорищем весьма однакож обыкновенным в Индии. Молодая и пригожая женщина великолепно одетая ведена была к костру на сожжение. Они спрашивали о ее преступлении. Преступление! Говорили служители Браммы, сия богобоязливая вдовица есть самая добродетель. Она желает по священному нашему обыкновению соединиться с мужем своим в другом мире. О! я довольно знаю говорил им Роланд, сии постыдные обыкновения, сии безумственные и ненавистные суеверия. Не по собственному ли своему произволению идете вы на смерть? спросил он у осужденной. Кому приятна смерть, ответствовала сия женщина, но они уверили меня, что в противном случае лишилась бы я своя чести! Это не потребные безумцы, говорил Рыцарь; ступайте с нами Судариня, есть еще и на сем свете мужей довольно, и я не понимаю, для чего вы вздумали итти к мертвым для отыскания своего супруга, которого, может быть вы там никогда не найдете. Между тем схватил он Индианку в охапку и посадил с своими Героинями; после чего не смотря на все проклятия изблеванные Браминами и всею суеверною сволочью, продолжали путь свой спокойно. Ангелика и Роксана осыпали Бабию, (так называлась вдова), неисчетными поцелуями и оне обнадеживали ее в том, что она будет благополучна, но не старались утешать ее, потому что женщина освободившаяся от костра не имеет нужды утешении, особливоже путешествуя с такими честными кавалерами.

Уже приблизились они к Персидским пределам. Гидон в утешение Бабии, которая все еще была несколько печальна, говорил ей, что они въезжают в такую землю, в которой женщин не жгут. Добрый Магометанин, сказал ему Ренод, это может быть у вас происходит от того мнения, что женщины не имеют души и не могут на том свете делать мужьям своим компании? — Судите, как вам угодно, отвечал Гидон, о народных наших мыслях, но я знаю точно, что мы весьма мало заботимся о женских душах, а больше любим их тела. Какая жестокость, говорил Ренод, отвергать бытие

души в таких прекрасных созданиях! — А вы, Господа европейцы, подхватил Гидон, разве менее оказываете жестокости, запирая их во множестве в святые темницы, в которых они иждивают все дни свои в отчуждении от света и совершенной ничтожности? Ты правду говоришь, любезный мой Гидон, отвечивал Рыцарь, я о том и не вспомнил. Правда, что мушкетеры не справедливы против сего прекрасного пола сотворенного к их удовольствию. Всякой народ в премногих случаях имеет ужасные мнения и сумасбродные обычаи. Так точно, говорил Гидон, но из всех таковых обычаев сожжение живых женщин должно менее всего нравиться дамам.

Между тем начали они подниматься на обширный близ Кандагара холм осененный Кедровыми, Пальмовыми и Померанцевыми деревьями. Ниспадавшие с журчанием по скалу ручьи прохлаждали веселую дубраву. Путешественникам нашим так сие место полюбилось, что они согласились на несколько времени для прогулки остановиться. Ангелика прохаживалась в кустарниках меж которыми множество было цветов. Она срывает их и украшает свои волосы попеременно, то васильками, то бархатцем, то фиалками. Роланде пособляет ей в сей детской забаве, но руки его привыкшие больше к собиранию лавров нежели цветов, не могут доставить Ангелике ни одного цветка в целости, и Амуре глядя на неистовство его улыбаются... Есть ли бы Ренод сорвал этот лютик, говорила тихонько Ангелика, он бы не измял его. — Еслибы он приколот его к моей груди... нет! я бы тем не оскорбилась.

Другие два кавалера и дамы пошли в другую сторону. Гидон и Роксана, коих глаза преисполнены были томною нежностью, имели в сердцах своих все любовные желания. Место было благоприятно, случай, которого нельзя желать лучше; но как им нужно было уединение, то Гидон дал знак брату своему Реноду, по которому сей догадливый Рыцарь удалился от них с Бабиёю без всякого огорчения.

Гидон и Роксана оставшись одни, пошли в самую густоту дубравы и сели там отдохнуть. Может быть они и не отдыхали. Турпин не говорит, что между ими происходило:

одна только любовь о том сведома.... Но когда они сошлись с прочими, Ангелика с удивлением заметила великое на Роксанином лице смещение и некоторый беспорядок в ее платье.

Обед уже готов был, лишь только стали они садиться, один из оруженосцев донес им, что видел великое число конницы окружившей со всех сторон дубраву. Чтож такое, сказал Роланд, разве ты боишься, чтоб они не отняли у нас обеда. В ту же минуту увидели они чиновника с двадцатью человеками прямо к ним скачущаго. Кто вы таковы? опросил он грубым образом у рыцарей, и куда вы едете? Роланд приготовился было отвечать ему Дюрандалем, но Ренод удержал его и спросил у сего чиновника: ты кто таков невежда и кого ты спрашиваешь? Он, по презрению ли своему к рыцарям, и неуважению малым числом их, или по тому, что вид Ангелики могущий тронуть и самую зверскую душу произвел над ним неизбежное действие, отвечал несколько учтивее: я один из рабов всемогущаго царя Персидскаго Богом хранимаго Ибрагима Ша. Очень хорошо, сказал Роланд, но что нам делить с твоим Ибрагимом или с тобою. Мой всепресветлейший Государь, отвечал Персиянин, вверил, мне нижайшему своему рабу начальство над тысячею человек непобедимой своей конницы. Я отделен от войска осаждающаго Кандагар для поисков и раззорения в окрестностях онаго; и по тому самому, естли вы подданные царя Пингабскаго, то должность моя велит мне взять вас пленными и препроводить к Военачальнику нашему Исмаилу. Мы освобождает тебя от сей должности, возразил смеючись Рыцарь; и поелику ты приехал сюда только для поиску, то воспользуйся другою должностію, которую ты теперь отправлять будешь, она для тебя весьма важна. Посмотри на сих прекрасных особ и на обед наш. Садитесь с нами воины, мы тотчас говорить станем о войне.

Персианин не знал что думать о дерзости и безстрашии сих чужестранцев, и заключил наконец, что они не в совершенном разуме. Будучи же уверен, что может взять их когда захочет, и любяся более всего женщинами и столом их, решился воспользоваться тем удовольствием, какое по глу-

пому его мнению обещевала ему сия встреча. Он согласился на приглашение и воинов своих отослал.

Его старались угостит самым лучшим образом, и он не смотря на заповеди великаго Пророка так исправно тянул вино, что голова его весьма скоро то почувствовала. Он разговорился гораздо больше, нежели хотел, и наконец начал объяснять, что причина войны сея весьма важна: Ибрагим Ша подарили Посланнику Царя Пингабскаго белую чалму. Царь Индийской тем оскорбился и спорил, что надлежало вместо того дать чалму зеленую. Он объявил Персии войну и завоевал уже город Кандагар, который мы хотим взять обратно. Мы осаждаем его пять месяцев, но с весьма малым успехом. Стены столь высоки и крепки, орудия же наши так худы, что осада по видимому весьма может продолжиться. Видно Полководец ваш, говорил ему Роланд, человек неспособный? — Извините, сударь, отвечивал Персианин, он дядя одной женщины находящейся в царской Серали. — Ну так чего лучше, говорил Ренод, это точь в точь как в Европе; Граф Роланд! продолжал он, поелику нам надобно проезжать владения Ибрагимовы, то сделаем себе из него друга. Его ободрение конечно освободит нас от той нужды, чтобы искать домов, разбивать ворота и выгонять хозяев. Что ты на это скажешь Граф, возвратим ему Кандагар!

Роланд не отказывался никогда от подобных предложений. Ты кстати вздумал, говорил он, мы ему возвратим сей город. Государь мой, продолжал он обратясь к Персианину. Кандагар завтра же будет во владении Ибрагима, а может быть и сегодня, естли мы прежде ночи туда приедем. Он тотчас дал приказание об отъезде. Персидской Офицер собрал немедленно своих воинов и говорил им: я хочу свести глупячков сих к Начальнику, они покажутся ему забавны, а женщины также ему понравятся.

Они уже подъезжали к Городу и с высоты холма противоположащаго тому, которой они оставили, увидели Кандагар и Персидское войско. Наконец рыцари вошли в Лагерь и были препровождены в Пашинскую палатку; но Исмаила им неудалось видеть, потому что он спал. Разве можно так покоиться, говорил Роланд, во время великаго предприя-

тия? В ожидании его пробуждения посмотрим, в чем состоит дело. Он подошел к стенам, и тотчас сделал свои наблюдения.

Роланд и Ренод препоручив охранение спутниц своих Гидону, взяли по тяжелой лестнице, приставили к городским стенам и вззошли с неустрашимостью. Осаждающие и осаждаемые равно издевались над их дерзостью. Стены защищаемы были тысячами Индейцев, кои одождяли так сказать, рыцарей стрелами и камнями. Но тщетна оборона противу людей покрытых непроницаемыми доспехами и сражающихся Дюрандалем и Фламбергом. Не смотря на все усилия осаждаемых они уже доступают до верху лесниц, хватаются за стену и поставляют на ней ногу. Два изголодавшие волка попав в овечье стадо менее показывают жестокости и убивства нежели наши Рыцари в толпах Индейцев. Они гоняют их, разбивают, умерщвляют всех сопротивляющихся или свергают вниз. Один вооруженный тяжелою дубиною захотел остановить Роланда и нанес ему оною такой удар, который бы сразил самого огромного великана; но добрый наш Рыцарь остался в прежнем состоянии. В замену того он подымлет Дюрандаль! О страшный меч Алиев! ты, который находясь в руках Св. Пророка проливал кровь ручьями, ты никогда не делал ран подобных той, какую получил Индеец. Удар был столь жесток, что он разнесен на двое и одна половина упала внутрь, а другая вне города. При сем страшном зрелище Персиане исполнены были удивления, а Индейцы ужаса. Осаждаемые спасаются бегством и ни один из нх не дерзает явиться пред сими разъяренными львами: стены остаются без защиты во владычестве рыцарей. Они подобно двум вранам плавающим над лесом, в коем скрываются устрашенные птицы, гордо по ним расхаживают.

Персиане спешат приставлять к стенам лестницм, дабы воспользоваться столь нечаянною выгодою; но Роланд удерживает их от разорения Кандагара. С такою властительностью, каковую обыкновенно имеют Герои над робкими и низкими душами приказывает он Персианам остановиться, и они повинуются. Потом вложив Дюрандаль в ножны го-

ворил он укрывающимся Индейцам: не бойтесь, вы уже побеждены, я вам больше не неприятель, и для спасения вашей жизни советую вам поспешить отпращиванием когонибудь из вас к Персидскому Военачальнику для сдачи ему города.

Посланные застали еще Исмаила в тяжком сне. По сему то обстоятельству Арапы сделали пословицу: *к нему добро во сне пришло*. О великий Магомед! возопил Чиновник приведший рыцарей, теперь я примечаю, что сии войственники в самом совершенном разуме. Слыхано ли когда о таком чудесном действии оружия ?

Храбрые победители с Героинями своими въехали в город, пошли прямо к Губернаторским чертогам и заняли оныя. Исмаил располагался посетить рыцарей в следующий день и принести им почести и награду, какия от него зависели; но они не жадны были видет женонравнаго раба сего и выехали из Кандагара в такое время, когда Исмаил еще покоился.

Между тем Полководец сей проснулся и опасаясь, чтоб за неизъявление рыцарям должной благодарности не поплатиться головою, дал тотчас приказание тому самому Чиновнику, который их открыл, настичь их, везде предшествовать им и приказывать во всех местах, которыми они проезжать будут, принимать их как друзей своего Государя. Таковыя приказания, особливо же слух о взятии Кандагара доставляли им в самом деле во всей Персии прием совершенно царской. Народ сбегался к ним во множестве, воздвигал им торжественныя врата и прославлял их в песнях. Один молодой стихотворец в городе Лагоре поднес им на Арабском языке стихи, из коих следующие менее были дурны:

*Толикой храбрости и прелести такой
Должна вселенная без бою покориться,
Сердца неатыя Героев сих рукой
Должны сеи прелестью в оковы заключиться.*

Любовь опирается на всем, что поддержать ее может.

Сии почести не были в тягость Роланду, не потому что бы он веселился пустыми блесками; но ему казалось, что оне могут быть приятны Ангелике, и что она припишет их великим любовника своего подвигам. Слава часто споспешествует любви, а и того чаще тщеславие бывает ее источником. Такие мысли усугубили в Рыцаре надежду и придали ему отважности к откровеннейшему любви своей изъяснению.

Проезжая Чеминарския долины, они остановились посмотреть Персепольских развалин. Сии мраморы, статуи, разбитые и грудами наваленные столбы, печальные остатки все поядающего времени повергают зрителей в мрачную задумчивость. Как говорят, спросила Ангелика, о сих безмерных развалинах? Говорят, Сударыня, отвечивал Роланд, что это остатки славного Персеполя, столицы сильнейших на земли государей; но сие предание сомнительно. Время разоряющее самыя пышныя произведения гордости и величества едва оставляет об оных сведение. Хотя бы сей жестокой сокрушитель, продолжал рыцарь, уважил по крайней мере чудеснейшее творение природы! но нет, предмет достойный существовать гораздо долее других прежде погибает. Прелестная красота пленяющая сердца и очи не успевает взойти, уже близится к своему западу, и мне кажется, любезная моя Княжна, что время написало на развалинах сих и на всех погибающих предметах: *вы можете меня оковать одним только удовольствием.* Я это чувствую, сказала Ангелика посматривая на Ренода; надлежало бы тем пользоваться.

Гидону очень хотелось, чтобы Герой наш успел побольше. Нравоучение ваше, говорил он Роланду, очень далеко заведет вас. Да и как станут вам ответствовать, когда вы не спрашиваете? что вы получить можете, когда ничего не просите? естлибы я столько был осторожен, как вы, то не далеко бы по сю пору уехал; но благодарение любви и мне самому, я изрядную проложил дорогу. Нет любезный мой Гидон, отвечивал Роланд, я не отважусь на то, чтоб опротиветь Княжне скоропостижным признанием. Нельзя чтоб она не знала того, что я ее обожаю, поелику ей все открывает тайну моего сердца. Я могу льститься, и без столь ве-

ликаго дерзновения, что божественная Ангелика никогда и никому не достанется, кроме Роланда. О ежелиб сбылась ваша надежда, сказал Гидон, но позвольте сказать, что ваша осторожность делает женщинам более чести, или лучше сказать более безчестия, нежели оне заслуживают. Может быть вы хотите довести Ангелику до того, чтоб она сама прежде объяснилась вам в любви своей. Вы конечно того стоите. Но естли город не сдается сам собою, то сомнительно, чтоб осада не продолжилась.

Она в самом деле была продолжительна. Но не станем спешить открытием важнейших приключений, кои представляют нам после самый поразительный пример владычества и своенравия любви.

Ангелика, ея дух хранитель, спутницы и спутники подехали уже к Испагану. Рыцари не доумевали, явиться ли им к Ибрагиму для принесения благодарности за оказанныя им в проезде почести и благоприятство. Правда, что они не способны были к неучтивости, но не были расположены к обыкновениям восточных дворов. Самодержавцы Азийские могут почеться щастливыми только рабами фортуны. Возвышение в душах низких обыкновенно раждает гордость, а гордость требует, чтоб пред нею пресмыкались. От того то произошли восточныя обыкновения уничижительныя для человечества и ничуть не славныя для Монарха. Рыцари гнушались сими ненавистными обыкновениями, но расположены были исполнить необходимый долг благопристойности налагаемый.

Между тем, как они о сем разсуждали, окружены были отрядом царской гвардии. Предводительствовавший оным Хан сошел с коня, поклонился до земли и говорил: о великие подвижники в брани, краса мужества! да окропит вас роса небесная! да разцветут под ногами сих небесных престелей цветы сада Едемскаго! Се изреченное великим Царем, коего величество превыше третьяго небеси; да продолятся дни его яко дни луны! «Храбрые Витязи! приидите к блистательному моему престолу; провождайте дни свои в обширных пределах царства моего, вы возчувствуете милости признательныя и щедряя души моя!»

Роланд просил Гидона ответить на сие цветное приветствие, что он и учинил следующим образом: «Да все дожди вешние прохладят величество непобедимаго Шаха Персидскаго. Царская его щедрость одождила уже нас своими милостями. Мы повергаем сердца наши ко всепресветлейшему его престолу».

По окончании сея церемонии рыцари в сопровождении Гвардии шествовали к царским чертогам в Зульфское предместье. Визирь Исуф принял их, сделал новое в восточном вкусе приветствие и предложил им во владение те чертоги, что подало им о щедрости Ибрагимовой высокия мысли.

Визирь уведомил их, что они на утрие будут иметь прием; почему Роланд и спросил у него, что надобно наблюдать в таком случае? Обыкновенный придворный обряд, отвечивал Исуф. Вошед в приемную палату вы преклоните колена, потом встав сделаете три шага вперед и наклонитесь так, чтоб на пядь только не достать ковра, после подойдете к трону, падете ниц и трижды ударите челом в землю.

Сии мелочи заставили Рыцарей улыбнуться. Разве милостивые Государи, пред европейскими Царями не унижаются? спросил Визирь. Извините, говорил Роланд, пред ними также пресмыкаются, да они обыкновенно и окружены бывают пресмыкающимися душами: но вот, Визирь! что я хочу сказать вам. Мы друзья Ибрагиму и чувствительны к его благодеяниям. Естлибы дело дошло до оказания ему какой либо услуги, мы бы охотно за то взялись. Между тем я вам клянусь, что в состоянии отрубить тому голову, кто захочет нас принудить к преклонению колен, пред каким бы то Государем ни было.

Исуф более ничего нетребовал. Он сообщил точно Государю своему ответе Роландов, который для него был дело неслыханное. Дерзость была явная и пример опасный. Ибрагим во гневе своем повелел чужестранцев привести к себе в оковах. — Да удостоит милостиво внять Государь мой и Владыка словам моим! говорил Визирь: как я могу обременить оковами людей в один час взявших тот город, котораго восемьдесят тысяч человек не могли покорить в

пять месяцев ? —

Сие униженное представление удостоено было снисхождения, потому что Ибрагим не совсем удален был от разсуждения и правоты. Гнев его исчез и он приняв спокойный виде спросил у Визиря: не уже ли точно сей воин грозил тебе отсечением головы? Почти так Государь! Ответствовал Исуф. Ну так видно он такой человек, говорил Ибрагим, который в состоянии это сделать. Надобно мне пощадить и простить их слабости; но я непременно хочу их видеть.

Исуф возвратившись донес им, что Государь его за пренебрежение их к Персидским обычаям весьма прогневался, но ему угодно, продолжал он, чтоб ничего больше о том и говорено не было. Между тем Визирь просил их о позволении приводить к ним иногда одного Агу своего друга не недостойнаго сей чести, что и было благосклонно позволено.

Ибрагим повелел угощать Рыцарей с царским роскошеством. Почему определены к ним были придворные служители; также музыкальный хор, лучшие танцовщицы и комедианты, кои попеременно их забавляли.

В один вечер Исуф представил им друга своего Агу Алия. Но друг сей имел в своем вид нечто столь великое, и Визирь был перед ним так мал, что Рыцари наши удобно познали в нем Ибрагима. Роланд решился воспользоваться сим случаем и принести ему благодарность за все его к ним милости. Они все тотчас сели за стол, потому что в Рыцарских комнатах надобно было следовать европейскому обычаю. Не угодно ли вам Визирь! выслать отсюда музыкантов, говорил Роланд, дабы они не лишили нас удовольствия беседовать с Вами и Господином Алием. Они начали говорить о обыкновениях различных народов, о войне, Политике, удовольствиях и женщинах. Рыцари веселили беседу сию острыми и приятными шутками. Все сие для Аги было ново. Наскуча уже пышным величеством своим и тягостным почтительностями придворных, кои без его позволения не могли никогда даже открыть рта, он пленился вольными и веселыми разговорами рыцарей, и благородною

их искренностью приведен был в приятное восхищение.

Седши на софе подле Ангелики чудился он редкой ея красоте, внимательно слушал ее и говорил мало. Визирь опасался, чтоб из того не вышло какогонибудь для него неудовольствия; но Али обратясь тотчас к рыцарям говорил: никогда не имел я, милостивые Государи, так приятного ужина. Я нахожу здесь вольность, веселость, учтивство, великих людей и прекрасных женщин. Мы посоветуем Ибрагиму делать почаще такие ужины.

Между тем налили вина в золотые покалы. Роланд встал с своего места и говорил Аге: мне кажется, милостивый Государь, что вам обычаи наблюдаемые за европейскими столами не противны. Там часто пьют за царское здоровье: и так мы выпьем за здоровье великодушного Ибрагима. При сем слове Визирь затрепетал; но Али встав с софы поклонился. Мы известим о сем Государя, говорил он, я уверен, что это ему будет приятно. Прибавте, милостивый Государ, сказала Ангелика, что мы желаем сему великому Государю славы и благополучия. Гордый Али, который никогда никому не оказывал отличного почтения, поклонился Княжне весьма низко.

Али вкушал в сей компании такая приятности, которых до толе Персии не были известны, и между прочим говорил гостям своим: признаюсь вам, что я скорее бы применился и привык к вашим обычаям, недели вы к нашим. Есть конечно обычаи, ответственал Роланд, коим всякой человек с понятием следовать должен; но есть такие, кои совсем не сходны с разсудком. Как, на пример, вы думаете о том Государе, который управляет народом не выходя никогда из своих чертогов, как между тем Министры его все делают по своей воле и угнетают народ его именем! — Разве вы не знаете, сказал Ага краснея, что для Государя необходимо нужны Министры и что он один не может всего делать? Но та беда, подхватил Роланд, что иные под предлогом невозможности одному все делать совсем ничего не делают. Они вовсе опускают из рук своих бразды правления и вдают оныя в руки подлых царедворцев, кои составляют злополучие и совершают падение государства, а сами меж-

ду тем покоятся в лоне роскоши и неги, не зная что имена их проклинаются миллионами нещыстных.

Сей разговор чрезвычайно вольный в разсуждении лиц и места произвел в Аге великое движение. Он уже готов был открыть пламень своего гнева и едва мог от того удержаться. Визить смутился; но Али разсудил, что слышанное им в первый раз очень могло быть истинною, странною токмо для Государей. Храбрый Витязь, сказал он Роланду, не уже ли вы думаете, что зло сие не есть неизбежно, и разве вы не знаете к отвращению онаго какого нибудь средства? Скажите пожалуйста, чтобы вы сделали будучи сами на месте сих Государей? — Что бы я сделал? Ага! отвечивал Роланд с жаром: я скажу вам о том. Избрав сам мудрых и просвещенных людей вверил бы им важнейшия места моих владений. С одной стороны предложил бы им самыя высокия почести и богатства, с другой смерть при первом вероломстве. Понадобилось ли бы мне объехать все мои провинции, я бы постарался увериться собственными глазами в поведении своих министров. Мудрость их и верность получили бы достойное возмездие, я бы простил погрешности вырывающиеся из человеческой слабости, но умышленное преступление никогда бы не избежало казни. Наконец, Ага! продолжал Роланд, я приказал бы начертать сии слова на дверях сокровищницы моей: «может быть сюда не входит ни единая лепта, которая бы не была омыта потом и слезами моего народа».

Сии слова привели Агу в задумчивость, из чего удобно можно было заключить, что он силу оных довольно чувствовал. Он встал с своего места и уходя от рыцарей говорил Роланду: клянусь вам Алием, вторым из Пророков, что Государ извещен будет о нашем разговоре и употребит оный в свою пользу, потому что он для него гораздо полезнее, нежели самое взятие Кандагара.

Но в самом деле обещание Аги не сдержано. Ибрагим нимало тем разговором не воспользовался. Он остался по прежнему слабым Государем, и народ его претерпевал теже бедствия.

На другой день Ибрагим прислал дамам богатые подарки состоявшие в дорогих камнях, а рыцарям по усыпанной бриллиантами сабле. Щедрость его была неограниченна. При отъезде же их из Испагана повелел он Визирю Исуфу проводить их до самых границ Персии.

Они продолжали путь свой с великим удовольствием. Роланд будучи всегда внимателен, предан и искренен, изъяснял любовь свою одними только поступками. Княжна с своей стороны оказывала ему и благосклонность и почтение; но нежные ея чувства обращались одному Реноду. Юное сердце ея роптало на нечувствительность сего рыцаря. Многократно любовь понуждала ее с ним объясниться: и хотя стыд удерживал ее в молчании; но все слова, которыя бы она сказать хотела взорами, поступками, смятением и даже самым молчанием так ясно выражаемы были, что Реноду надлежало действовать всею бодростию и мужеством своим, чтоб устоять противу столь опасныя осады. И сам Турпин думает, что сей великий воин при всех дружеских чувствованиях к Роланду и Изабелле был бы побежден непременно, еслибы не обращался часто в бег для надежнейшаго одержания победы.

Наполненные живостию и прелестями Ангеликины глаза так неудачно скрывали сведавший ее пламень, что он всем стал известен, кроме Роланда. Сей любовник не только не был ревнив, но ему даже не могло и в помысление войти, чтобы можно таковым сделаться. Он любил с доверенностию сродною прямому сердцу, и ревность почитал страстию душ самых низких. Но в последствии он испытал к нещастию своему, что и Героем будучи надобно иногда подвергаться жестокости сея любовных сердец мучительницы.

Гидон оставя совсем намерение советовать еще Роланду, чтобы он прервал молчание и приступил к делу, смеялся непрестанно над любовниками и любовью; и как в один день Роланд поздравлял его с таким удачным забвением вероломныя Фатимы, он говорил ему: я хотел бы забыть даже и то, что она сделала было меня весьма диким и глупым. Я начинаю уже думать, что любовь есть совершенная глупость. — Вы хотите сказать, подхватил Роланд, что она

есть величайшая слабость или неучастие? Нет, отвечив Гидон, я хочу сказать, что она есть точно глупость; ну! не глупость ли сударь это, что бы спокойствие свое сделать зависимым от воли другого и от самых ветреных прихотей? сегодня женщина тебя по- любит, завтра другой предпочтен будет, а там и третий; а почему знать, может быть и все трое в один день благосклонно будут приняты... Я знаю, что когда любимый предмет становится чувствителен, то любовник бывает счастлив, или по крайней мере таковым себя считает: но и то надолго ли последняя минута такого счастья есть первая минута отвращения, и она непременно следует за удовлетворением любви, как будто бы природа хотела тем уверить нас, что сие удовольствие не самой высокой пробы, или что оно даже и опасно. И так вы за ничто считаете, говорил Роланд, сие нежное соединение сердец, которое почитается величайшею в любви приятностию? уважайте, естли вам угодно, отвечив Гидон, сие нежное и верное соединение; но остерегайтесь чтобы другая птица не клевала вашей горлицы. Слова ваши похожи на то, говорил Роланд, что и Роксана подражает Фатиме; ваши мысли опять переменились, но скажите мне, скоро ли дойдет очередь до прелестной Бабии? не заботьтесь об этом, отвечив Гидон; зная что любовь слепых своих поклонников и мучит и в стыд приводит, я управляюсь с нею по кавалерски. То есть, прибавил Роланд, вы с нею обходитесь по французски? вы однакож рождены в Мингрелии. Но, разсудок, Сударь, всякой земле сроден, возразил Гидон; в заключение скажу вам только то, что я в любви быть простаком не расположен.

Рыцари достигши до границ Ибрагимова владения нашли пиам Чиновника посланного к ним на в тречу от Царя и Первосвященника Абдаллина, Калифа Багдадскаго, который извещен о них был от Ибрагима. Абдаллин повелел принимать их везде как друзей царя Персидскаго, возлюбленного своего в Магомеде сына. Для пребывания их отведены были в Багдаде огромные палаты, которыя от Калифова дворца отделялись только рекою Тигром. В один день, когда Калифу надлежало иметь первосвященническое слу-

жение, Рыцари и спутницы их желая слышать царское поучение, оделись по обыкновению Багдадскому и пошли в великую мечеть.

Церемония началась пляскою Иманов, Сантонов и Моллагов. Сии безчувственные служители сделав множество сметных кривлений, наконец упали от усталости. После того Калиф одетый в лоскут ковра, покрывающего гроб Пророка, взошел на кафедру и говорил такое поучение, которое уверило Рыцарей, что Государь может быть весьма дурным оратором. По окончании онаго слушатели, с добрым наставлением и благословением вышли из мечети.

Каке тебе кажется сия комедия? спросил Ренод у Гидона. Она для меня жалка, отвечивал последний но не бывает ли любезный мой Ренод таких комедий в Европе? нет ли у вас также безмыслицы и самых безразсудных обыкновений? Вопрос твой, отвечивал Ренод, довольно означает Музульманина. Да, это правда, говорил Гидон, естьли того можно назвать Музульманином, кто верит что в Алкоране нашем есть истинны; этому я верю, а прочее оставляю так, как оно есть, и всякому охотно позволяю тому верить и понимать, естьли можно. А что ты думаешь о Магомете, спросил Ренод? Я думаю, что он был человек довольно великой, потому что умел сделаться в своей земле Пророком, а это, как говорят, дело не обыкновенное. Так по этому видно, продолжал с усмешкою Ренод, что ты не очень заботишься целовать священную одежду Пророкова преемника? Конечно так, отвечивал Гидон; но я постараюсь с ним видаться, потому что мы родственники. Княжна Заида, младшая сестра коей матери, находится в числе нижайших супруг Калифовых.

Гидон удостоен приватной аудиенции у Абдаллина. Он приведен был к ступеням трона, на коем и Заида сидела с закрытым лицом близ Калифа. Это была престарелая женщина двадцати шести лет, которая долгое время не удостоивалась и взора Государя своего. Приезд племянника ея был для нее щастливый случай, извлекший ее из толпы и забвения. Гидону позволено было приложиться к подолу Заидиной одежды. Он благодарил Калифа за все милости

оказанные Рыцарям, при чем Абдаллин спрашивал у него: старался ли он неверным спутникам говорить о божественном Алкоране, и хорошо ли расположил их к сему святому закону. Повелитель Правоверных! отвечивал Гидон, мы все различных вер, и естлибы я стал им проповедовать о своей, они бы также о своей мне толковали; таковые споры разстроили бы нашу дружбу и сделали скучным наше путешествие. Музульманин! сказал Калиф, разве небесныя упражнения могут наводить скуку! приведи мне своих друзей, я убежду их в истинне или увещанием или силою. Да не оскорбится святость твоя, говорил Гидон, моим представлением! я очень сомневаюсь, что бы истинна могла быть внушена силою. О Слепцы, коих очи никогда не были просвещены светом истинны! возопил Калиф, нерадивые музульмане! не уже ли не знаете вы написанного: аще неверный не послушает тебе, вооружись мечем? Не сие ли священное веление дало нам над сими местами владычество? Не оно ли покорило столько народов святому закону Пророка?

Для укрощения Калифовой ревности Гидон представил ему точное изображение Рыцарей, восхвалил геройское их мужество, рассказал о их подвигах и дал ему почувствовать, что сии воины покровительствуемые Персидским Государем не удобно могут быть обращены в другую веру. Ну, хорошо, сказал Первосвященник, поелику солнце для них еще не восходило, мы можем надеяться, что оно когда нибудь просветит их... Напоследок приказал он Заиде поднять покрывало свое. Гидон по печальному и томному виду прекрасной своей тетки удобно понял, что ей сераль не очень нравится, и что сотоварищество рыцарей для нее было бы выгоднее, нежели знакомство с Магометовым преемником.

Рыцари и подруги их в ожидании Гидонова возвращения наслаждались вечернею прохладою на балконе своего дому, откуда виден был весь почти город и течение Тигра. Балконы соседственных домов наполнены были любопытными зрителями, из коих один смотря на Ангелику пришел в совершенное изумление. Почувствовать к ней любовь бы-

ло неизбежное нещастие для всякого, кто только пристальнее ее разсматривал.

Сей новый любовник был страшный Градасс, Царь Чиркаской, воин дерзновения и зверства преисполненный. Некоторый дела привлекли его ко двору Багдадскому, где он известен был одному только Калифу. Но ему надлежало скоро оттуда выехать. Войско его поспешало к Александрии, дабы сядши там на суда, соединиться с войсками Аграманта и Марсиля, ссоюзников его. Градасс был из лучших друзей волшебницы Каспии, от которой получил он Мамбринов шлем и драгоценное кольцо. Оно будучи вздето на перст левой руки делало его невидимым, но ему не препятствовало все видеть.

Чиркасец помощью сего чародейственного кольца очутился близ Ангелики, которую он лучше увидел и сорвал с прекрасных уст ее первый поцелуй, которого никогда и никто еще не удостоился. Удивленная Ангелика в смятении думала, что это Роксана над нею спутила. Поцелуи девическия, говорила она сама в себе, имеют однакож некоторую приятность, чего я не ожидала. Но дух хранитель ее не был так как она, обманут. Я тебе это прощаю, сказал он Градассу, но еще не приходи. Дерзкой Чиркасец опять подходит: Турпин уверяет, что отважная рука его.... но нет, ей неудалось; потому что в тож самое мгновение адской дух схватил неистоваго Градасса, поднял его и низринул в Тигр. К щастию своему он умел плавать, почему кое как оттуда выбился, но не мог понять, как упал с такой высоты. Она мне голову своротила, сказал он опомнясь. Надобно признаться, что эти женщины чудным образом валяют нашу братью, однакож мы таки еще попытаемся и увидим что будет!

Гидон весьма веселил компанию рассказыванием о благочестивом намерении Калифа. Он видно не знает, говорил Ренод, что таким образом обращают слабоумных только трусов. Для избежания ж святых увещаний Калифовых решились они скорее отправится в Дамаск, и как в назначенный ден предприяли путь свой, Абдаллин приказал препроводит их Аге со стомя всадниками.

Подобно распаленному псу преследующему уязвленного уже оленя, Градасс взял с собою несколько служителей своих, пускается в след за рыцарями. ЕСТЬЛИБЫ не препятствовали ему провожатые, он бросился бы прямо на Ангелику, которую почитал верною добычею. Он старался всеми мерами пробиться к ее коляске, но всегда невидимая рука отторгала его; почему и решился он отложить намерение свое до въезду их во владение союзника его Дамасского Султана.

Лишь только достигли они до пределов Сирии и Царства Дамасского, провожатых с богатым награждением отпустили. Проезжая обильные поля, увидели они покрытые златовидною жатвою долины и ниспадавшие по горным утесам ручьи, кои сохранили в лугах вечную зелень. Померанцовые, Пальмовые и Фиговые деревья представляли путешественникам прохладную тень и сладкие плоды. Осененные разнovidными деревьями пригорки, служили для любовников приятным и покойным убежищем. Наши любовники в сих прелестных местах остановились.

Ангелика с подругами своими стала купаться в маленькой извивающейся по долине речке, где оне вскоре увидели себя окруженных некоторым числом людей. Рыцари наши не сделали бы такого дерзкого поступка, на какой отважился неистовый Чиркасец с двадцатью чиновниками. Он намеревается схватить Ангелику; но тщетное старание! раздраженный житель ея пояса делает их не подвижными и предоставляет им только мучительную вольность удивляться поразительным прелестям. Градасс простер руки свои к Ангелике и говорил ей страстным и вместе жестоким голосом: выйди на берег прелестная красавица, ты видишь молодость, сверх того я Государь и тебя обожаю, выйди, я достойный тебя любовник. Ангелика ответствовала только страшным воплем достигшим наконец до слуху рыцарей.

Львица, у которой отнимают детей: море воздымающее в ярости волны свои до облаков, или перун разражающий матерое дерево, не так ужасны как Роланд возчувствовавший наносимое Ангелике оскорбление. Он бросается на Градасса, который по Реноде был первый воин, достойный сра-

жаться с Роландом; но в сем случае и самый ад не мог бы противиться ожесточенному Рыцарю. Он поражает Градасу в голову столь сильным ударом, что и при волшебном шлеме Мамбриновом, стоило бы то Царю Чиркаскому жизни, естлибы Дюрандаль не свернулся в дрожащей от гнева руке Роландовой. Сей страшный меч коснулся стороною только шлема его, но разсек оный как стекло и отнес у Чиркаса правое ухо. Он залился кровью и упал. Роланд хотел пронзить его, но волшебное кольцо сделало его невидимым. Скаредный подлец, говорил ему Рыцарь, ты одними только чародействами избавляешься от моего мщения. Большая часть Чиркасцев изрублены были в куски, остальные спаслись бегством. Победители уверяли уstraшенных красавиц своих, что оне уже не должны ничего опасаться. Скромный Роланд не смел даже возвести на ручей глаз своих. Ренод по благоразумию своему от опасных прелестей старался удалиться, а неосторожный Гидон видел довольно... и почувствовал к Бабии весьма благосклонное расположение.

Рыцари желая подруг своих вывести из смятения, пробыли в сих приятных местах целые два дни. Гидон нашедши случай разговаривать с Бабиею на едине, напомнил ей о происходившем во время их купания: она улыбнулась. Он похвалял виденныя им прелести: она смеялась. Он открыл свое ей желание видеть оныя поближе: она еще больше смеялась. Наконец он начал употреблять некоторыя шалости, и видя что на него за то не гnevаются, стал более вольничать. Бабия, сколько благопристойность требовала, противилась; но на конец почувствовав, что она женщина и наедине с любезным мущиною удостоверилась, что Гидон мог ее утешить гораздо лучше, нежели все священные служители Браммы.

Оставя сии приятныя места прибыли они в одну деревушку и приказали просить гостеприимства. Бедный человек принял их в свою хижину и угощал молоком и плодами. В первый еще раз увидели они такую бедность вместе с таким добродушием, каковыя показал им хозяин. Роланд вынимает наполненный золотом кошелек и отдает его селянину, но сей от него отказывается. Оставьте это у себя, го-

ворит он Роланду, мы в деньгах не имеем нужды. Я вас принял по человечеству и за доброе дело не принимаю платы. По истинне, говорил Роланд, в сердце сею простаго человека гораздо более благородства, нежели в богачах и вельможах. Скажи мне добрый человек, продолжал он, какую ты платишь дань Султану Дамасскому? Он берет с меня две трети произведений приносимых моею пашнею, а остальным по милости своей меня жалует. Велика милость! Сказал Ренод. Какое подлое и несносное грабительство, возопил Роланд! у нас много неприятелей, подхватил селянин, от которых он нас обороняет; надобно непременно заплатить за то ему и его войску... И в тож самое время делать ему вспоможение в его забавах, примолвил Роланд, в его пышности и жадности. — Рыцари оставя тихонько в хижине наполненный деньгами кошелек простились с хозяином удивляясь его добродетели.

Они не останавливались в Дамаске из одного презрения к Султану Аладину, который при старости своей находился в совершенном рабстве у прихотей своих и любимцев. Он доброе имел сердце; но о должности своей вовсе не думал, утеснял подданных по слабости своей, и государство оставлял в беспорядке для того, что наблюдение благоустройства сопряжено с трудами, а для него труды были несносны. Рыцари старались из несчастных сея стороны скорее выехать. Они проехали неплодныя поля Палестины и узрели обильныя долины орошаемая Нилом.

В то время Египет был во владычестве Омара. Никогда государи, сколько бы история или ласкательство ни изображали их самыми лучшими красками, не имели столько царских качеств, сколько было в сем великом человеке. Юлий Кесарь не столько имел разума и деятельности, Антонин мудрости, Тит милосердия, сколько Омар, который, можно сказать, был любовь добрых людей и ужас непотребных. Злодеи трепетали и вида его, зная что он во все входит и все видит. Последний из подданных его имел к престолу его такой же доступ, каким пользовался первый придворный вельможа. Усердствуя к пользе Государственной более нежели Омар требовал, не страшились они ни

Государского несправедливости, ни жадного грабления вельмож его. Он имел огромный дворец потому только, что он сооружен предместьями его. В прочем гнушаясь пустым блеском обыкновенных Государей, потому что наружностью легче заслужить уважение нежели прямым достоинством, поставлял он величие свое в одной только добродетели. Благоустройство, правосудие и мир, а с оными и счастье восседали с ним на престоле.

Султан Гуссейн, старший сын Омаров, не похож был на отца своего. Гордость породы превозмогла над воспитанием. Наглость и неистовое его свойство угрожало Египту, что за царствованием доброго Государя последует царствование Тирана. Но Омар будучи более друг народу, нежели сыну своему, расположен был предать скипетр в достойнейшие руки.

Рыцари подъезжая к воротам Каира встречены были Султаном Гуссейном. Ангелики нельзя было видеть без великого движения; почему Гуссейн почувствовал в себе желания столькоже опрометчивые, как и намерение удовлетворить оным. Чужестранцы! говорили он рыцарям, ежели сии женщины невольницы и вы везете их в Каир для продажи, то я беру их для себя: я Султан Гуссейн. По щастию его сие имя, а больше того имя Омара было известно Роланду. Он удержал движение своего гнева. Сын великого Омара, сказал он ему с холодною, не получите от меня ответа. Безумец! вскричал Гуссейн в великой ярости, как ты смеешь столь дерзко отвечать сыну Омарову? При сих словах бросился он на рыцаря с обнаженною саблею. Роланд подобен будучи льву разгневанному молодым и неопытным псом презирал сие нападение и считая Гуссейна недостойным Дюрандала, противопоставил ему щит свой. Я сим воздаю честь добродетели отца твоего, говорил он молодому Султану. Между тем высланные Омаром на встречу рыцарям вельможи отдали Гуссейна, а молодой Бей просил учтиво путешественников принять у него квартиру.

Омаре уведомясь о поступке Гуссейна, приказал заключить его в крепость Суан, находящуюся в отдаленной части Египта. Между тем же велел просить чужестранцев к себе,

что онн весьма охотно исполнили. Ангелика с подругами своими желая видеть стол славнаго Государя, пошла вместе с рыцарями. Входя во дворец, они весьма мало видели стражи, потому что Омар не имел в ней нужды. Вошед в залу, в коей допускал он к себе людей всякаго состояния, узрели они его в виде отца посреде семейства своего находящагося.

Ангелика и подруги ея подняли покрывала свои и сделали Омару самое учтивое приветствие. Рыцари при всем своем отвращении к восточным обычаям поклонились до земли. Омар подал им руку говоря: Омар есть последний может быть из смертных, и потому он не любит сих обрядов. Государь! говорил ему Роланд, не Князю египетскому приносим сию почесть. Такие воины, как мы, считают себя не ниже Государей; но лзя ли воздать достойную честь Омаровой добродетели! Благородная вольность сего приветствия непротивна была Омару. Он тотчас приказал принести дамам подушки и дружески беседовал с рыцарями.

Он спрашивал у них о некоторых обстоятельствах царствования Карла Великаго. Я бы весьма почитал вашего Императора, говорил он им, естлибы он не имел такой охоты обращать в веру свою вооруженною рукою. Но вот! Государь, отвечивал Ренод, указывая на Гидона, вот Музульманин, который уверил нас, что и Мединской Пророк думал сходно с Карлом Великим. Это правда, сказал Омар с улыбкою, но я и в Пророке не с лишком сие уважаю, да ваш же Император следует закону другаго Пророка. Омар беседовал с ними о войне, которая угрожала Европе. Аграман и Марсил, говорил он, намерены напасть на Императора Карла. Они будучи одной со мною веры ожидали моего в предприятии своем вспоможения; но Карл не сделал ми никакой обиды, сверх же того я гнушаюсь войною. Их намерение столко же безумно, как естлибы Европейцы ваши, коих я совсем не знаю, высадили войска свои на берега наши для изгнания меня из сего царства. Они думали Государь, подхватил Роланд, что войско Царя Чиркаскаго расположится в Египте... Градасс тем ласкался, отвечивал Омар, но принужден был повернуться к малой Азии. Я не

подмога неправде. Между тем он уже читал в глазах рыцарей намерение их представить ему прозбу. Естли ты дозволишь нам Государь, говорил, ему Роланд, просить у тебя какой либо милости, то мы просим тебя о освобождении Султана Гуссейна. Омар отвечивал на то, что прелести сих госпож удобно могут привести в заблуждение всякаго человека; но что есть другия важныя причины его изгнанию.

Чрез несколько дней Омар проходя мимо дому Бея Селима зашел посетить Рыцарей и Ангелику. Из окон жилья их видны были верхи славных пирамид воздвигнутых на счот премногих тысяч несчастных. Он предлагал им, что естли они захотят видеть сии памятники сумазбродства человеческого, то он их туда проводит. Гидон почел случай сей весьма удобным к тому, чтоб рекомендовать Бабию в Омарово покровительство. Он рассказал ему приключение сей молодой Индианки, и донес ему, что она имеет брата торгоушаго в Александрии, коему они намерены препоручить ее. Смеем ли просить тебя Государь, о царском покровительстве для сей любезной особы? говорил наконец Гидон. Омар милостиво на то согласился... Спустя несколько времени они с сим великим человеком простились и отправились в Александрию.

Там они разстались с Бабиею, которую Княжна Кашемирская наградила богатыми подарками. Один Капитан Венецианскаго корабля взялся отвезти их прямо в Марсель, куда они тотчас и отправились.

Корабль их нагружен был тем только, что могло доставить Ангелике приятное путешествие. Роланд на нее только смотрел, об ней думал, ею дышал. Лишь только потеряли они из виду землю Египетскую, Роланд объят стал великим страхом, о котором естли он имел прежде какое нибудь понятие, то единственно по виду своих неприятелей. Он вздумал, что для защищения Ангелики от насилия волн недействительны ни оружие ни сила. Естли ветер был противный, то он опасался, чтобы за оным не последовала буря. Малейшее движение моря наносило ему опасность что бы не потонул корабль. При малейшем вихре казалось ему,

что Ангелика скоро поглощена будет волнами. Корабельщики смеялись его смятению и о храбрости его немного думали.

Между тем они уже проплыли Кандию и плавание их было так благоуспешно, как только желать было можно. Мы уже приближаемся к той стране, говорила Ангелика подруге своей, где, как нам сказано, ищем мы вольность, удовольствие и щастие; но Рыцари наши мне кажется очень хладнокровны. Нет, Княжна, ответствовала Роксана, Гидон дон оказывает чрезвычайное усердие, особливо с тех пор, как мы оставили эту маленькую Бабию; что же принадлежит до Роланда, он как изо всего видно, обожает вас. А Ренод? прервала Ангелика. Он вас любит, сказала Роксана. Ах! возможно ли, чтсбы Ренод любил меня, говорила Княжна, не ужели ты думаешь, что сей любезный человек меня любит! Признаюсь, что я от него только ожидаю всего щастия, которое они мне обещали: без него никогда не удалась бы я от своего отечества и матери. Но естли я ему непротивна, то для чего он никогда не сказал мне о том ни одного слова. Я иногда примечала то в глазах его. Может быть он боится, говорила Роксана, оскорбить друга своего Роланда. Я должна, сказала Ангелика, Роланду одною только благодарностию, а естлибы он захотел моей любви, то ему надлежало бы самому произвести во мне оную.

Разговоре их прерван был происшедшим на корабле великим шумом. Корабельщики увидев множество кораблей убоялись, не Африканские ли они, и поелику они были на ветре, то поворотиться и бежать им было невозможно. Матрозы были в великом смятении; но Роланд чувствовал в себе возраждающуюся бодрость и мужество; они хотели выставить флаг Египетской, но Роланд приказал вместо того поставит Французской. Не бойтесь никого, говорил он им, вы имеете на корабле своем Ренода и Роланда: естли мы будем окружены, то вы не мешайтесь ни во что; старайтесь только о оборотах и остерегайтесь пожару; протчееж все возложите на нас.

Неприятельские корабли приблизились. Они принадлежали Маргилю Королю Испанских Мавров и наполнены

были войском отправленным к Эгеморту. Увидев на Рыцарском корабле Французской флаг, они уже считали оной верною добычею и пустились на него с тем, чтобы требовать сдачи. Рыцари старались между тем доставить Ангелике и Роксане безопасное место. Я вас прошу прекрасная Ангелика, сказал Роланд, быть здесь столькоже спокойною, как в палатах Кашемирских. При сих словах он осмелился поцеловать у Княжны руку. Ангелика взглянув на Ренода покраснела.

Когда все уже приведено было в порядок, на Мавританских кораблях, дан сигнал для опущения флага, но как Рыцари наши не согласны были на строгое их предложение, то вдруг два корабля налетели на них для бою и бросили якоря. Друг мой! говорил Роланд Реноду, поражай всех, кто тебе ни попадется; Гидон будет действовать там, где больше нужда потребует, а прочее все я беру на себя.

Мавританцы вскочили на Христианской корабль не видя никакого сопротивления, но они не замедлили и сойти с онаго. Рыцари вдруг на них нападают, теснят их и приводят в беспорядок. Каждый удар Дюрандаля и Фламберга наносить смерть. Гидон бодрственно помогает храбрым друзьям своим. Вскоре палуба наполнилась мертвыми и ранеными. Неприятель видя, что три человека делают такое страшное кровопролитие, поспешно бросается на борт свой; но устыдясь бежать от трех воинов, нападает снова и опять такойже отпор находит. Пять раз возвращались они для нападения, пять раз отгоняемы были. Наконец потеряв великое множество товарищей своих, снялись с якорей и удалились исполнены страха и бешенства.

О многомилостивая Госпоже Лоретская! говорили Матрозы, очищая палубу: сколько мы тебе должны свеч поставить? Ты-то послала нам сего человека, которого столько боятся неприятели, сколько он боится моря.

Роланд более всего обласкан был похвалами Ангелики. Все сражение, говорила она Рыцарям и все победы! вы конечно с тем рождены, чтобы побеждать все на свете. Роланде не понял, что слова сии относились более к Реноду, нежели к нему.

Три другие Мавританские корабли все еще за ними следовали; но прием сделанный двум первым не с лишком ободрял их на подобную отвагу. При виде берегов Прованских они поворотили к Эгеморту, а корабль рыцарской приблизился к Марселю.

Правление сего города вверено было Ренодовой сестре Брадаманте, которая столько была мужественна и прелестна, что древний Рим не устыдился бы обожать ее под именем Минервы или Венеры. Она чувствовала к Реноду самую нежную дружбу, а к Роланду и того нежнейшая расположения, но не чувствительный Рыцарь до путешествия своего в Кашемире не имел о любви понятия.

Когда уже начали они подъезжать к городу, Ренод отправил шлюбку для уведомления о своем приезде. Слух сей произвел в городе всеобщую радость. При входе их в пристань все корабли спустили флаги и повсюду раздались радостные восклицания со звуком воинских орудий. Брадаманта приняла их на пристани и обняла брата своего с тою горячностью, какую производит взаимное восхищение и долговременная разлука. Роланд бросился к Брадаманте и целовал ее руку. Ренод рекомендовал ее Ангелике, а ей Гидона. После того пошли они в Брадамантины чертоги между двумя строями войска, которое с радостью восклицало: да здравствует Роланд! да здравствует Ренод! пусть теперь прилут к нам Мавританцы.

Брадаманта столь проникательна, что при первом взгляде удобно провидела все тайные чувства гостей своих. Она о Роландовой страсти не только не беспокоилась, но еще и радовалась потому, что гордый Рыцарь сделавшись к любви способен, мог когда нибудь полюбить и ее. Она его так много почитала, что не могла и подумать, чтобы он имел слабость любить без всякаго намерения... а потому и приняла все способы к отнятию у него надежды обладать Ангеликою.

Она повела Ренода в сад и нежно на него взирая, говорила ему: ты еще не уведомил меня любезный брат, о состоянии твоего сердца; или ты начинаешь от меня таиться? Нет, отвечал он, кроме Маянской Изабеллы для меня Брадаманта всего милее. Как, ты сохранил прежнюю свою лю-

бовь? спросила она его. Да, я люблю и любим, отвечивал Ренод; надобно быть вероломному человеку, чтоб забыть Изабеллу. — Ты ее по сю пору любишь, подхватила Брадаманта, какое заблуждение! — Разве ты сомневался о любви Изабеллиной? я вижу ясно, продолжал он, что ты ненависть свою к Маянскому дому простираешь даже до верной моей любовницы. По том Ренод рассказал снова сестре своей всю историю любви своей с Изабеллою. Он изобразил ей правоту ея сердца, простоту, добродушие, живую и невинную горячность, и рассказывал о ея клятвах в вечной к нему любви. Вот, говорил он в заключение, последнее письмо от нее мною полученное при отбытии моем в Азию. Выслушай недоверчивая сестра, и после суди, любит ли меня Изабелла

«Ты уезжаешь, неблагодарный, и оставляешь меня для того, что бы бежать за новыми опасностями: видно слава, пред которою ты идолопоклонствуешь, для тебя милее Изабеллы? Мне бы надлежало забыть тебя... я лучше соглашусь умереть, нежели забыть Ренода или истребить любовь свою к нему.»

Жаль мне тебя, любезный мой Брат, говорила Брадаманта, отсутствие твое с лишком было продолжительно. Ты меня в отчаяние приводишь, прервал Ренод, и что ты тем сказать хочешь? Спустя месяц по отъезде твоём, отвечивала Брадаманта, нежная твоя Изабелла без всякаго принуждения, по своему точно произволению вышла в замужество за Бертранда Герцога Гелдерскаго. При сих словах Ренод онемел и сделался неподвижен; но когда ярость гнева его обратилась наконец в удивление, он произносил самыя страшныя проклятия на Изабеллу и всех женщин. Он обещался убегать их, презирать и даже гнушаться ими. Да разлит меня гром небесный, возопил он в изступлении, ежели когда либо сии вероломныя и ненавистныя твари удостоются хотя одного моего взора.

Брадаманта сему смеялась. Между тем пришла к ним Ангелика, и увидя Ренода в ужасном изступлении, спрашивала о причине онаго. Случай очень обыкновенный, говорила ей Брадаманта; брат мой известился о неверности

своей любовницы. Ангелика приходит в смущение подобное Реодову, краснеет, бледнеет и трепещет! Возможно ли, сказала она наконец в изумлении, возможно ли изменять Реноду! Лишь только успела она произнести слова сии, Ренод бросился к ее ногам. Тот самый человек, который только что поклялся в ненависти ко всем женщинам, клялся обожать Ангелику до смерти. Клятва сия раз тысячу повторена была и принимаема с радостью. Для него то оставила я Кашемир, говорила Княжна Брадаманте, при первом взгляде я его полюбила и оставя все, за ним следовала: от него единственно ожидаю я своего счастья и ничего на свете не желаю, кроме сердца Ренодова; а я ничего не желаю кроме сердца Ангеликина, говорил Ренод в восхищении. Первейшее желание мое состоит в том, что бы жить и умереть для нее. Вы достойны друг друга, сказала им Брадаманта: но пойдем отсюда и постараемся поступать с Роландом осторожнее.

Помышление о Роланде Ренода чрезвычайно беспокоило. Отнятие Ангелики у сего Рыцаря не составляло ли оскорбления чести и не нарушало ли дружбы? так говорил разсудок; но любовь обыкшая покарять его, наложила на него молчание. Ангелика имела право располагать сама собою, но властен ли был Ренод противоборствовать всегда ей прелестям? Какую обиду сделал он другу своему, приемля такое сердце, которое от одного отвращения предавалось другому? Когда Ангелика не могла составить счастья Роланду, то не уже ли для того и Реноду, надлежало быть жертвою мечтательной какой то совести и безумного великодушия? Так говорила Реноду любовь и внутренние угрызения его навсегда исчезли.

Роланд не имея ни малейшего понятия о тех неприятностях, какая ему были уготовляемы, питался лестною надеждою. Он думал, или лучше сказать, уверен был, что при дворе Императора, где путешествие их кончится, Княжна наградит любовь его, попечение и постоянство. Ренод имел притязание на ту же самую награду, и зная что он любим, не предвидел никаких препятствий в брачном союзе с Ангеликою, кроме только войны, которая долженствовала на-

чатся весною; но присутствие Ангелики услаждало и сию скуку, которую льстил он вознаградить знаменитыми успехами.

Между тем Роланд не оставлял никогда Ангелики. Но преданное его с нею пребывание смущало как страстного Ренода, так и нежную его любовницу. Когда они разговаривали, то опасались, чтоб какнибудь не измениться: если глаза их встречались, они боялись, чтоб неприметили взаимного их расположения. Но любовь обращающая все в пользу свою, воспользовалась и сим самым принуждением. Она наставила Ангелику, что для избежания присутствия любовника скучного и для приятнейшего обхождения с любимым, есть удобное средство состоящее в тайном свидании, по чему и позволила она Реноду видаться с нею в ночное время.

Уже наступила та вожденная минута, в которую любовь провождала счастливого Рыцаря к сражению предвещавшему знаменитую победу. Роксана не запирала дверей в Княжнинных комнатах; но коль скоро Ренод вошел туда, она их затворила покрепче с тем, чтоб ея умильная беседа с Гидоном не была им слышна.

Ангелика лежала на софе. Она прекрасна была как Нерейда, одета как Венера. Ренод бросился к ногам ея, и смотрел на нее с удивлением равным его восхищению. Они долго ничего не говорили; да и чтобы могли сказать сильнее тех страстных взглядов, тех прерываемых вздохов, тех недокончаемых слов последуемых молчанием, кои составляют самый выразительный язык пламенной любви? — Ренод хватает руку, которая ему и уступается. Пришед в большую смелость похищает на устах своей возлюбленной тысячу поцелуев; но нет, счастливый любовник, ты не похищал их, они все отданы тебе добровольно. — На конец пускается он на совершенную победу... плачевная превратность! Уже подвижник сей приблизился к концу поприща, уже касался венца определенного победителю и близок был к торжеству; но в одно мгновение чувства его оледенели: он падает в бессилии и безчестии, все намерения его уничтожены. Он хочет вторично начать бой, но тщетны усилия!

напрасно покушается он оживить бодрость свою, когда уже совсем обезсилен и побежден без возврата. Стараясь скрыть изнеможение свое и стыд, он убегает... архиепископ Турпин не может решить, кому более сей бедственный случай причинил отчаяния и смятения, Реноду или Ангелике. Только трудна сия задача.

Нешастие сих любовников было велико и имело совсем другую причину, нежели каковую таким случаям приписывают. Это произошло от непотребного духа, которого Ангелика имела в своем поясе. Он низринул в Тигр наглаго Чиркасца осмелившегося прикоснуться ко вверенному страже его сокровищу. Он мог также поступить и с Ренодом, но за лучшее признал напустить на Ренода такое дьявольское наваждение, которое бы отвратило Ангелику от Ренода и всякого другого любовника. Однакож ж сие намерение Ангелинина стража не было удачно, и из последствия видеть можно, что он был не самоискусный из преисподних.

Сия ночь столь бедственная для Ренода и Ангелики предназначена была и к другим страшным приключениям. Чиркасец Градасс, который удалился было в Дамаск, терзаясь бешенством, что не увез Ангелики и при том лишился уха, принужден был по отказу Египетского Султана обратиться к берегам меньшей Азии; он нашел там корабли, которые Аграман и Князя Африканские, Марсилевы союзники, послали ему для перевезения войск его в Барселлону. Он удачно плыл до самого острова Корсики, у коего весь флот его разнесен был бурей. Большая часть кораблей прибились в разныя Испанския пристани; прочиеж вместе с тем, на коем сам Градасс находился, занесены к Эгеморту, не задолго пред тем завоеванному Мавританцами.

Градасс узнав в Эгеморте о пребывании Ангелики в Марсели, благодарил щастие, что оно так полезно его руководствовало. Он тотчас приказал изготовить легкое судно, посадил с собою лучших своих солдат, перерядиве их в матрозское платье, и стал на якоре в Марсели. Силою волшебного своего кольца он прошел в самыя Ангеликины покои, нашел ее прелестнейшею прежняго и положил твердо не упускать ее.

В жилье Ангеликиком был балкон, с которого по леснице можно было сходить в сад. Ограда онаго была невысока и близка к пристани. Чиркасец таким удачным для намерения его обстоятельством не мог довольно нарадоваться. Корабль был под парусами и на попутном ветре. Он приказал итти за собою пятнадцати человекам, которые переправались через ограду весьма бережно, и Градасс считал уже Ангелику своею.

Дело не так то было легко как он думал. Гидон по догворременней беседе с Роксаною вышедши на балкон увидел в саду вооруженных людей. Он тотчас дал о том знать караулу и возвратился поспешно, чтобы поразведать о намерении сих незнакомцев. Они уже были на балконе и начали ломать двери, как между тем Гидон с двенадцатью солдатами весьма жестоко их принял.

Нечаянное нападение привело Чиркасцев в беспорядок. Градасс с помощью своего кольца мог убежать удобно; но будучи столько великодушен, что не захотел оставить людей своих в столь явной погибели, устремился на противников своих и бой сделался кровопролитен. Ренод терзаемый мучительным отчаянием услышал крик сражающихся и взяв ужасный свой Фламберг говорил: посмотрим, осталось ли у меня сколько нибудь бодрости. Он прибежал, но уже так поздно, что не в состоянии был спасти своего брата. Любезный Гидон пораженный рукою жестокаго Градасса упавши к ногам Ренодовым изпустил последний вздох. Ах! возлюбленный мой Гидон, возопил Ренод... по крайней мере я за тебя отмщу. За сим словом он вознес на Градассову голову смертоносный меч свой и разсадил его на двое. В сие время явились Роланд и Брадаманта. Они бросаются на Чиркасцев возмущенных смертию Царя своего и убивают всх, оставляя одного только для открытия намерения их.

Нешастный Гидон оплакан был и любовию и дружбою. Брадаманта во ожидании приближающейся войны, как удобнаго случая к отмщению за него на крови Чиркасцов, повелела сжечь неприятельской корабль со всем экипажем.

Роксана печаль свою разделяла вместе с Ангеликою. Одна лишилась милого любовника, другая своего считала погибшим. Сколь бедственна была ночь сия для любви! Жалкия любовницы не ожидали утешения и от самого времени, потому что оно в подобных бедствиях есть худое лекарство, и можно сказать, что в таких потерях ничто не утешает, если нет надежды к возвращению потерянного.

Ангелика и Ренод находились равномерно в мучительном положении. Молодая любовница приписывала несчастие свое Ренодову хладнокровию: но можно ли было любить ее притворно? — Она убегала встречи Ренодовой с таким точно старанием, с каким прежде искала оной. Присутствие его приводило ее в смущение; но Ренод больше ее смущался. При самой пламенной любви состояние его казалось ему столь ужасным, что он хотел бы навсегда изгнать любовь из своего сердца; но то не в его было воле. Любовь так уже в нем усилилась, что он не в состоянии был забыть сего прелестного предмета; сверх же того поступок его был столько уничижителен, что обладать сим предметом казалось ему делом невозможным.

Один удивительный случай разогнал на несколько времени печаль Ангеликину: ей привиделось во сне, будто волшебница Миранда показывала ей кольцо и говорила, что если она наденет оное на перст левой своей руки, то сделается невидимою. Ангелика проснувшись в самом деле нашла на туалете своем кольцо подобное виденному во сне. Она сделала тому опыт и тотчас от глаз Роксаниных исчезла. Вот, сказала она, подарок моей матери! Он забавен, а можете быть к чемунибудь и пригоден мне будет. Но подарок сей зделан был Княжне от стрегущаго ея духа. Он думал что к лучшему успеху в возложенной на него должности, кольцо Градассово было такое пособие, которого пренебрегать не надлежало.

Звук оружия зделал Ренода несколько хладнокровнее. Карл великий дал рыцарям повеление итти к Тулузе, где собраны были войска его. Между тем союзники соединяли силы свои на полях Каталонских. Христианское воинство в меньшем было количестве; но неравенство сие Императора

не беспокоило потому, что оно заменялось Роландом и Ренодом.

Десять тысяч войска и множество Прованских Рыцарей готовы уже были к походу и ожидали только от Брадаманты приказания. Они поспешали выступом потому, что Роланд имел намерение мимоходом взять Город Эгеморт.

Ангелика и Роксана выехали из Марсели на пышной колеснице в провождении Брадаманты, Роланда, Ренода и Прованских Рыцарей. Они переехали в Арле чрез Рону, войско же приблизилось к Эгеморту. Сей Город окружен будучи со всех сторон болотами и в зимнее время был неприступен; но Роланда не останавливали никакия препятствия: он приказал стараться спустить воду: друзья мои! говорил он своим солдатам, постараемся только открыть приступ к сему городу а за овладение онаго я вам отвечаю. Он наполнен Мавританками и богатством: это все принадлежит вам. Обещанием солдатам женщин и денег можно поощрить их к иссушению самого моря; сколько однакож ни трудились они над сими болотами, все было бесполезно. Спустить воду не было возможности, а по тому и нельзя было овладеть Эгемортом.

Войско двинулось опят в поход к Тулузе, куда Император со всем двором своим уже прибыл. Императорская армия увидев, что они уже приближаются, стала в ружье в надлежащем порядке. Солдаты восклицаниями своими свидетельствовали великое удовольствие о прибытии двух славных Рыцарей. Тут слышны были безпрестанно похвалы приносимыя им и Ангелике. Какая прелести! закричали все в один голос, воте знаменитая их во время миру победа!

Карле великий обнял Рыцарей с особливым восхищением. Долго лишался я удовольствия любезные мои друзья вас видеть, говорил он им, но наконец вижу вас готовых к защищению своего отечества, веры и Императора. Во всем дворе поднялся шум об Ангелике, ее хвалили и удивлялись ей явно. Императрица посадила ее с Княжною Имою и обходилась с нею так точно как с дочерью.

Все придворные о Княжне Кашемирской одних были мыслей. Приятность ея стана, белизна и стройность тела,

нежные черты лица, поступки и очаровательные прелести заслужили всеобщее одобрение и признание. Правда, женщины искали в ней недостатков, но зависть их принуждена была молчать. Ангелика была для них невиданное явление. Каждая женщина отдавала ей пред собою преимущество: признание сие и справедливо было, но оно так не обыкновенно и так странно, что составляет, может быть, первейший предмет невероятия из всей оной повести.

Роландова любовь с первого дня стала всем известна, и сие весьма было выгодно для Ангелики. Она бы претерпела много любовных объяснений от придворных, естлибы уважение их к Рыцарю, или лучше сказать опасение гнева его не избавили Княжну от такой досады. Ей никто не смел говорить о любви, кроме Роланда.

Наконец Рыцарь прервал молчание, и хотя робко но изъяснил свою горячность. Она не нова, но тягостна была для Ангелики. Трудно с таким человеком вести любовную беседу, к которому чувствуешь одно только почтение и благодарность; однакож Ангелика так удачно поступила, что и ничего не обещав, не огорчила своего любовника. Она слушала объяснения его без малейшаго гнева; скромность же ея могла быть приписана и стыду и обыкновенной женской уловке. Роланд в том чаянии, что кроме его никто не имел притязания на сердце Ангеликино, упоевался величайшею надеждою.

Ренод менее его был щастлив потому, что лишился всякой надежды. Он не знал, что Ангелика не переставала любить его. После известного его поступка она долго колебалась между любовию и ненавистию, но волшебное кольцо... (оно правда не для сего употребления дано ей было) открыло ей всю горестную печаль, чрезвычайный стыд и еще большую нежность, кои снедали сердце Ренодово. Милосердая Ангелика, гнушаясь одним только преступлением сделала преступнику пощаду, и для оказания ему оной вполне, решила известить его, что она уже ему простила.

Спустя несколько времени Ренод по случаю вошел в те покои, где жили Княжны и застал там одну только Ангелику. Сия нечаянность привела его в трепет. Мужествен-

ная смелость его в одно мгновение исчезла. В смущении и замешательстве не мог он произнести ни единого слова, и похож был на такого преступника, который не имея никакого оправдания, ожидает от судии своего единыя только милости.

Ангелика сжалась над ним и подала ему свою руку. Какое было его восхищение! Читая в глазах Княжны милостивое прощение, он прижимает ее к своей груди и осыпает поцелуями. Он чувствует, что потерянная им победа еще ему представляется: летит к ней с горячностью... но не достигает. Жар его потухает: он хладеет и падает в смятении и унижении; извлекает меч свой: все кончено! закричал он, после таких ужасов ничего не остается кроме смерти. Сожаления достойный Ренод готов уже был пронзить грудь свою; но между тем входит Роланд, хватая его за руки: что значит, вопрошает он, сие безчувственное отчаяние?

Смущение и беспорядок любовников открывали Роланду некоторую част истинны. Возможно ли, возопил он, Ренод любит Княжну мою! вероломный Ренод изменяет мне! о постыдная измена! Без сомнения упорство моей Ангелики заставило тебя желать смерти... И так умри, она не может любить такого подлаго человека, как ты. Умри! ты сие заслуживаешь, или лучше следуй за мною; для тебя славнее будет получить смерть от руки моей.

Таковыми то ударами обременен был несчастный Ренод; он более похож был на человека громом пораженного, нежели на живаго. Роланд между тем вышел: Ангелика его оставила. Он пробыл несколько времени неподвижен на том же месте и естлибы пришедшая в ту пору Брадаманта не поддержала его, он бы не мог оттуда выйти.

Женщины первую прошибку иногда прощают, только чтоб не последовала другая. Событие последней потушило любовь в сердце Ангеликином. Она уже чувствовала к Реноду одно только презрение и старалась единственно о том, чтобы предупредить следствия неистовой Роландовой ревности. Она несколько уведомила Брадаманту о сем приключении, но точную важность онаго скрыла; при всей одна-

кож ея скромности Брадаманта подозревала еще больше, нежели что было.

Она зная, что власть Императора недействительна была в разсуждении Роланда, ничего ему о том и не говорила, а за лучшее сочла объясниться с двоюродным своим братом Волшебником Могисом и с самим Роландом. Послушай Граф! говорила она ему, ты гневаешься на Ренода и хочешь отнять у него жизнь, не думая о том, что сей поступок может доставить торжество Мавританцам... Что мне нужды до Мавританцев? отвечивал он; Ренод есть человек вероломный; я должен наказать его и накажу. Но не забывай, что Ренод есть человек, подхватила Брадаманта; он имеет глаза и сердце так точно как и ты: следственно плениться такими прелестями ему столькоже срочно как и тебе. Слабость его весьма естественна и более сожаления нежели гнева достойна. Если Ангелика тебя любит, продолжала она, то какую обиду делает тебе Ренод? если же она любит другого, то не уже ли ты думаешь мщением своим обратить к себе ея сердце. В последнем случае ты сам должен обратиться к такому предмету, который бы лучше знал цену твоего сердца. При том же ты знаешь Граф, что Ренод не такой неприятель, котораго победить удобно.

Если бы не Брадаманта, а ктонибудь другой захотел сделать Роланду такое увещание, он бы невыслушал его равнодушно. Однакож он ничего Брадаманте не отвечивал и приказал тотчас уведомить Ренода, что он будет ожидать его у градских врат.

Ренод покрывается доспехами своими, садится на Баярда и выезжает к Роланду. Рыцарь! говорит он ему, если любить Ангелику есть преступление, то признаюсь, что я безмерно виновен; но нещастие мое несравненно больше преступления. Для чего принуждаешь ты меня сражаться с таким человеком, котораго я почитаю, о котором жалею и коего, как мне кажется, я не оскорбил. Ты не оскорбил меня? изменник! возопил Рыцарь, разве ты дерзкой любви своей не считаешь в разсуждении меня вероломством и оскорблением для Ангелики? Легкомысленный! отвечивал ему Ренод во гневе, я презираю обидные слова безчувствен-

наго и хочу за себя отмстить, следуй за мною!

По сих словах выехали они на поле и устремились яростно друге на друга. Баярд и Бридедор, сии ужасные и быстрые в битвах кони не были тогда так раздражены как их повелители и разбегались в разные стороны так, что Рыцари не могли ниже копием коснуться друг друга.

Они сходят с коней и извлекают страшные мечи свои, кои для неприятелей всегда смертоносны были... Наступают с неистовством; доспехи обоих не боялись никакого другого оружия кроме Дюрандаля и Фламберга. Ренод сохраняя более хладнокровия нежели прлтивник его, старался больше о отражении его ударов нежели о нанесении ему оных. Роланд бился подобно неистовствующему Геркулесу, а Ренод как благоразумный и неустрашимый Марс. Набежавшие из Армии солдаты стали вокруг сих войственников и в глубоком молчании смотрели на знаменитую битву; но сражающиеся так ожесточены были, что и не заметили такого множества зрителей. Роланд устремлялся на противоборника своего как молния, тот удерживал его наступление, отражал удары его и несколько сам наносил ему оных, не делая однакож кровавой раны. Удивляясь недействию Фламберга бросился он стремительно на своего неприятеля, но попавшийся под ноги его камень сшиб его. Роланд воспользовался сим случаем и столь жестоко ударил мечем своим по голове Ренода, что дрожащие зрители отчаялись о его жизни и от ужаса оцепенели; но Ренод ничего не почувствовал; меч же Роландов коснувшись шлема его раздробился на мелкие части. Ренод обязан был спасением своим волшебнику Могису, потому что он унесши у них Дюрандаль и Фламберг подложил на место их два подобные меча.

Рыцари равномерно удивлены были сим случаем. Ренод был так благороден, что не захотел сражаться неравным оружием, бросил меч свой и вынул кинжал. Роланд в том ему последовал; храбрый Рыцарь говорил он Реноду, я побежден, поелику то угодно щастию. Ренод подошел к нему и дав ему свою руку отвечствовал: Роланд всегда непобедим. Рыцарь приняв руку Ренодову говорил ему: я не могу любить такого человека, который обманул меня, но я чту

благородное его мужество. Солдаты удивляясь такому щастливому окончанию битвы, наполняли долину восклицаниями: да здравствует Роланд! да здравствует Ренод!

Между тем увидели они подъезжающего к ним Императора и замолкли. Сей Государь, смотря на Рыцарей более с величеством нежели со гневом, говорил им: вы обманываетесь друзья мои, сражаться надобно с неприятелями только отечества своею и веры: пребудьте всегда друзьями, Император ваш о том вас просит. Они изъявили ему нижайшее почтение свое и поехали с ним в город. О любовь! любовь! говорил сей Государь, смотря на Рыцарей, до каких ты глупостей и самых великих людей доводишь!

Вскоре получено известие, что союзники вступили уже в пределы Франции и шли к Тулузе. Император повелел Армии выступить на назначенное место и пошел на встречу неприятелю. Он остановился на весьма выгодном месте состоящем из двух окруженных лесом отлогостей. К сему естественному укреплению прибавлены были ретраншаменты, которые могли защищать войско от неприятельскаго нападения. Пред сим возвышенным местом находилась обширная ровнина, по которой надежало проходить Мавританцам, и на которую они взошли в непродолжительном времени.

Происходившее тут сражение как из последствия можно видеть, недалеко было от нашей Героини. Мы дадим достаточное понятие о сем знаменитом действии и наградим недостатки истории. Все то, что мы открыть намерены, есть столькоже почти достойно вероятия, сколько и все произшествия описываемыя историками.

Императрица, дочери ея, Ангелика и все придворныя дамы находились в воинском стане. Им бы в другом месте лучше было; но в древния времена следовать женщинам за Армиею было столькоже обыкновенно, сколько всегда им сродно любить многолюдство.

Когда отряд легкаго войска дал знать, что неприятель уже приближался к равнине, Император из ретраншаментов войско свое вывел, оставя в стану по нужде не малое число для охранения.

Лишь только солнце совершило половину своего течения, христиане увидели лес копий, дротиков и знамен. Они слышали крик или вопль произошедший в безчисленном множестве неприятелей, при виде Императорской Армии. Сей вопль более страшный нежели шум Океана, волнуемого всеми сильными ветрами, вдыхал ужас, и в самых мужественных воинах производил некоторое движение. Роланд, Ренод и гордая Брадаманта смеялись тому. Друзья! говорили они солдатам, сии люди делая такой шум, показывают свою робость.

Карл великий дал приказание Роланду и Реноду взяв две тысячи конницы итти для обозрения неприятеля; но строго запретил им производить какое либо действие. Они подлетели весьма близко к магометанскому воинству. Кажется, что Африка и Испания для составления такого множества совсем истощились в своих жителях. Пехота превосходила число двух сот тысяч, а конница, вся почти из Испанцев состоящая, более семидесяти тысяч составляла. Они разгордясь своею многочисленностию за подлость считали ограждаться каким либо укреплением. Рыцари видели уже их в боевом порядке и удивлялись их расположению. Средний корпус составлен был из всей пехоты, а два крыла состояли из кавалерии. Они тотчас отрядили десять тысяч конницы для отбития Рыцарей, кои повинувшись повелению Императорскому, удалились без всякого действия и прибыли в свое место не потеряв ни одного человека.

Они сделали обстоятельное донесение, и при начатии совета Роланд первый предложил свое мнение. Я думаю, Государь! говорил он, что нам непременно надобно соображаться с расположением неприятельским. Пехота ваша держаться будет в оборонительном положении; ибо для нее довольно будет сдерживать нападение Магометанской пехоты. Я командуя левым крылом нападну на конницу праваго крыла неприятельскаго и разсыплю его; Ренод же между тем разобьет их левое крыло, а потом мы с ним соединимся и примем в тыл их пехоту, на которую вы в то время наляжете с лица сильнее, и так мы победим. Сие мнение утверждено было всеми единогласно.

При самом разсвете того дня, который долженствовал быт последним для стольких тысяч человек, двинулись обе Армии. Союзники сохраняли строго свой порядок; христианское воинство в том им последовало. Император находился среди пехоты своей состоявшей из осьмидесяти осьми тысяч. Левое крыло предводимое Роландом состояло из двадцати двух тысяч. Правое под предводительством Ренода имело такое же число. Резервный Корпус находившийся в повелении Гиде Поатьера состоял из пятнадцати тысяч пехоты.

Главным начальником пехоты Магометанской был Князь Бизертской и в повелении его находились: Собрен Князь Тунисской, Чиркаской Военачальник Селим и Изольер Царь Трипольский, который при всем своем известном благоразумии мало показал онаго, приняв участие в войне затеянной, как то часто бывает, без разума и без справедливости. Марсил Король Испанской командовал правым крылом, а свирепый Радомонт Бей Алжирской предводительствовал левым.

Когда все устроились по местам своим, Марсил и Аграмант объезжали войско для возбуждения онаго к своей должности. Они представляли ему, что естли Карл великий побежден будет, то Европа примет Музульманские оковы и закон Пророка, и что одна победа снабдит их славою и богатством. Одно только беспокоит меня, говорил Аграман, в разсуждении подлежащей нам славы. Она обыкновенно измеряется побежденными трудностями: но какое затруднение победить горсть людей, которых великий Пророк, по видимому предает в наши руки для пресечения вдруг нашего разделения? Могут ли сии Варвары сопротивляться нам, нам завоевателям лучшей части Азии, Африки и Испании; нам, которых трое или четверо достанется на одного? Но признаю вам, Музульмане, я боюсь, чтобы удобность и верность успеха не уменьшили чести торжества нашего. Я не обремену вас долгими увещаниями для понуждения к храбрым подвигам, сказал Радомонт всадникам своим, но послужу вам в том примером.

Императору также заблагоразсудилось сделать войску своему увещание. В прежния времена не было ни одного сражения, пред которым бы воины не были увещаемы речью. Правда, что всей Армии не так то удобно было слышать своего Полководца; но историки всегда слышали и верно предали нам их речи.

Карл великий возшедши на возвышенное место дал знак рукою, и когда войско пришло в глубокое молчание, Император говорил ему: храбрые Французы! гордый и несправедливый неприятель нападает на нас. Вольность ваша, имение, олтари, честь, Император, все потеряно, естли мы побеждены будем. Воинство сих неверных многочисленно; но я имею мужественных воинов и храбрых Рыцарей. Не вы ли те храбрые победоносцы, с которыми я взял столько городов и одержал такие победы? не вы ли покорили владению моему Скальд, Рен, Эльбу и Одер? не вашим ли оружием идолопоклоннические народы Саксонские были поражаемы или соделались невольниками и Христианами? Что же для нас значат сии варвары из Африканских степей изшедшие? Бояться их для нас безчестно, а для них весьма много. Нет, воины, и самое сомнение о гибели их оскорбило бы Французскую храбрость.

Все войско звуча оружием своим изъявляло уважение и хвалу Императорской речи. Оно устроилось опять в надлежащий порядок и ожидало неприятеля, который безпрестанно производил ужасный шум. Христиане наблюдали глубокое молчание, более ужасающее, нежели пустой вопль музульманской.

Могис возвратил рыцарям страшные мечи их, которые долженствовали в сем случае обагриться кровию Мавританцев. Они согласились, как только дан будет сигнал к сражению, напасть вдруг на неприятеля, не занимаясь перестрелкою, почему лишь только услышали звук трубы, ударили со всею конницею на оба крыла неприятельския. Пехота же предводимая Аграманом двинулась на пехоту Императорскую.

Нападению Роландову ничто не могло противиться. Он пробился сквозь мавританские ескадроны, и все, что ни

представлялось ему, было опровержено. Но солдаты его не были Роланды; они чувствовали крепкое с неприятельской стороны сопротивление. Вдруг сперлись они с музульманами, сешались и кровь лила ручьями. Роланд летает везде, где больше видится опасности: везде открывает себе путь, везде ужас и смерть ему сопутствуют. Протчие начальники делают ему посильное вспоможение, и ободрены будучи его примером начинают Мавританцев приводить в беспорядок.

Ренод с своей стороны такие же имеет успехи. Он врывается в Радомонтову конницу и низлагает все, выключая неустрашимого Киязя Алжирского. Сей ужасный Африканец, вооруженный мечем безмерных ширины и длины, сражает все ему попадающееся. Оливиер, Луркен, Гут де Клермон, Годафроа, Беренжер, юные и храбрые Кавалеры погибли от руки Радомонтовой. Двадцать других имели ту же участь. Брадаманта видя страшное поражение чинимое сим Африканским львом, устремилась на него, настигла, напала и подняла на него меч свой: сей меч был Фламберг по достоинству вверенный ей Ренодом. Радомонт успел избежать смертоносного удара, и обратясь на войственницу, столь жестоко поразил ее мечем своим, что шлем ее разсечен был на части и открыл Африканцу развевающиеся длинные власы и прекрасное лице ее. Она прелестна, сказал Радомонт; но здесь ей не место, отведите ее в мою палатку. Брадаманта услышала сии последние слова, бросилась на него с поднятым Фламбергом. Тщетно Радомонт защищался широким щитом своим покрытым змеиною кожею; щит был отторжен и рука отсечена. Войственница схватила Радомонта за оставшуюся руку и отдав сего ужасного пленника солдатам, говорила: отведите в мою палатку сего зверообразного Срацина.

Взятие Царя Алжирского причинило в левом крыле смятение. Оно тотчас отступило и склонилось к правому, которое Роланд принудив так же отступить, гнал сильным образом. Тут оно сошлись с Ренодом вместе и разсудили, что успех их не известен, естли они совсем не разсыпят соединившихся крыл и составивших довольно великий кор-

пуге. Они наступили снова, привели неприятеля в беспорядок, погнали его и обратили в бегство.

Между тем как они чинили сии кровопролитные подвиги, обещавшие им победу, Императорская пехота находилась в опасности. Аграман, выгннув передовую часть свою в обе стороны, налетел с лица и с боков на главный Императорский корпус. Христиане долго противоборствовали, но окружены будучи со всех сторон, близки были уже к тому, чтоб превосходнейшей силе уступить. Уже сражение считали потерянным и некоторые робкие воины удалившись в стан, произвели там великое уныние. Уже начали раздаваться страшный вопль и стон женщин: все кончено, говорили они, Роланд и Ренод убиты, государство погибло, ах! они уже убиты: теперь уже ничто спасти нас не может.

Рыцари вместо того живее были прежнего и возвратились победителями. Низложив и разложив на голову Мавританскую кавалерию, ударили с тылу на Африканскую пехоту. Прибытие их возвратило Христианам бодрость и надежду и отняло оныя у Магометан. Французская конница прорвавшись в неприятельские ряды разбивает, топчет под ноги, подавляет и посекает Африканцев. Тогда Аграман понял, что он с лишком много о себе думал. Он приказал ударить отступ, и за великое уже поставлял щастие спасти, хотя остаток армии на которой он основывал гордые свои намерения.

Но Рыцари наши не любили довольствоваться половиною победы. Они дали на один час отдыха утомленной своей коннице; после чего пустились преследовать Аграмана. Они так беспокоили его во всю ночь, что на утрии увидели поле покрыто мертвыми, да сверх того привели в стан тридцать шесть тысяч пленных.

Роланд и Ренод приняты были торжественным образом. Они славились и прежде во всех народах неслыханными подвигами; но тут одержали они такую победу, которою спасено их государство и разсечены оковы целой Европе уготованныя. Казалось бы, что на земли никого больше и щастливее их не было. Слава их была в высочайшей степени... О не постоянное щастие! Как ты играешь челове-

скими великостями! — Вскоре уведомили их, что нет ни Ангелики ни Роксаны. При сей ужасной новости блистательные успехи, почести, величество, слава, торжество, все было забыто. Они почитали себя несчастнейшими из всех смертных.

Самые прилежные розыскания не могли известить их, что сделалось с Ангеликою. Волшебник Могис отказался подать им утешение, и считая случай сей выгодным для влюбленных рыцарей, только забавлялся оным. Они терялись в мыслях своих и намерениях, и воображая что Ангелика взята была Мавританцами, в ту же минуту решились освободить ее. Ренод хотя и чувствовал, что неимел ни малейшего притязания на сердце Ангеликино, но ему ничего так не хотелось, как взять ее из неволи, и отвезти в Кашемир или во всякое другое место, куда ей угодно будет. Что же касается до Роланда, он имел безпокойство и желания сродные самому страстному любовнику.

Ангелика и Роксана не были взяты Мавританцами; но оне опасались, чтоб не подпасть сему бедствию. Когда распространилось в стану смятение и слух о смерти Рыцарей, оне объаты были ужасом. Они убиты, любезная моя Роксана, говорила Ангелика: без сомнения их уже нет, потому что войско сие побеждено. Для того ли мы пришли в страну сию, чтобы носить оковы? убежим Роксана, убежим. Мы с помощью кольца моего можем возвратиться в свое отечество. Роксана одобрила сие намерение. Так, моя Княжна, удалимся отсюда, говорила она, и возвратимся в Кашемир. Естли судьба велит нам жить в серали, то ты конечно в Азийской серали будешь первая; но в серали Мавританской мы бы только невольницами были.

По сих словах оне вышли из стану и обратились в лес. Случай начал им благоприятствовать; оне нашли там множество лошадей оставшихся от убитых на сражении. Сделавшись по нужде смелы, оне поймали двух лошадей и на них сели. Оне ехали по первой попавшейся им тропинке, которая наконец вывела их из лесу. Крестьянин, у коего спрашивали оне о пути к морю, показал им оный и уверил, что оне на другой день удобно туда прибудут. Ободрены буду-

чи столь благоприятным началом, удалялись оне поспешными шагами. При всей своей нежности оне ехали целый день и вечером прибыли к одному великому дому в Нарбонском предместьи.

Хозяин того дому вышедши к ним, оказал им обыкновенную учтивость и пригласил их к себе для отдыха. Ласковый прием его уверил их на первый случай, что Французы исправляют должность гостеприимства гораздо благоднее, нежели другие народы.

На утрии сей человек оказал им новыя учтивости, просил о заплате ему двадцати ефимков. Оне смотрели друг на дружку с удивлением. Не безпокойтесь Сударыни об этой безделице, говорил гостеприимчивый хозяин, она не препятствует вам в продолжении вашего пути; я доволен буду и лошадьми вашими. Наши прекрасныя путешественницы весьма запасны были дорогими камнями, но чистых денег у них не было ни копейки. Оне показали хозяину большой алмаз, и просили призвать купца. Но он на такиея товары сам быле купец добрый; сей алмаз, сказал он, весьма дорогой, он мне кажется, стоит ста ефимков золота. Оне на то согласились и за вычетом должных ему двадцати ефимков за постоя, остальные получили, хотя алмаз стоил и десяти тысяч. Хозяин был столько великодушен, что отдал им лошадей. Оне тотчас отправились в путь и оставили его в отчаянии о своей прошибке. — Нещастный! говорил он сам себе, я потерял сто ефимков за такую вещь, которую бы мне отдали за десять или двенадцать; видно я всегда буду простаком и не буду иметь в торговле ни малейшаго успеха.

В последнюю ночь казалось Ангеляке во сне, будто Миранда говорила ей: возвратись любезная моя дочь, возвратись в объятия своей матери: поспешай к Эгеморту; там найдешь ты корабль, на котором можешь доехать до Египта.

Сие сновидение было ей представлено от ея стража, который начал уже льститься успехом препорученнаго ему дела. Он предполагал, что стрегомый им цветок лишился уже нескольких листочков; но надеялся еще доставить его Миранде в довольно хорошем состоянии.

В полдень увидели уже путешественницы наши море. Оне долго держались берега не встречая никакого жилья. Наконец за несколько часов пред солнечным заходом увидели на берегу небольшой домик. Обременены усталостию и зноем, с трудом сошли оне с лошадей и просили убежища.

Сей дом принадлежал одному молодому набожному отшельнику, который проводил там дни свои в трудах и размышлении. Почтенный монахе не обижен был приличною состоянию своему святостию, которую наружность его совершенно доказывала. Он пристально смотрел на сих странниц, поднял глаза к небу, и благодарил оное за доставление ему случая быть полезным прекрасным сим тварям. Он ввел их в маленькую комнату, снабженную несколькими стульями и кроватю. Отец Пахомий удовлетворил тотчас главнейшую их нужду, представив им плоды и самое свежее вино. Христианская любовь его простерлась далее. Он имел одну опрятную и уютную комнату, в которую никогда кроме его не ходил ни один человек. Он препроводил их туда, просил садиться на креслы, на коих были довольно мягкия подушки, и оставя их там, начал хлопотать о ужине.

Ангелика и Роксана весьма были довольны приемом снисходительного, а при том и довольно приятного в обхождении отца Пахомия. Он был собою росл и довольно статен; но одежда его приводила Ангелику в великое удивление. Для чего, спрашивала она у Роксаны, сей человек не так одет, как другие? Что значит сия висящая на поясе связка нанизанная маленькими шариками? чудное убранство! — Это Европейской Брамин, говорила Роксана, каковых я уже видела в Тулузе. Связка сия висящая на поясе не есть убранство; она служит им к изчислению молитв приносимых ими Богам своим и Богиням. Они столько прочитывают молитв, сколько на ней шариков, а дальше того не пускаются. Это очень хорошо выдуманно, сказала Ангелика, и не так трудно, как царапанье наших Браминов. О сколько Европейцы имеют разума!

Ангелика пребыванием своим в уединенном жилище Отца Пахомия не могла налюбоваться. Она видела пред со-

бою море и приятной его берег. Положение дома сего было прелестно и хозяин услужлив. Она решилась препроводить там день или два для отдохновения, услаждаясь самыми приятными чувствами, что избегла Срацинских оков и в короткое время могла возвратиться в свое отечество, за оставление которого делала уже себе чувствительныя укоризны. Один только Роланд ее беспокоил. Она оплакивала судьбу столь благородного и великодушного войственника. Ренод также представлялся в ея мыслях, но она сие досадное воображение разогнать старалась.

Отец Пахомий пришел к ним побеседовать: удивлялся красоте дел провидения; немог довольно на них насмотреться и принял смелость спросит у них, откуда оне и куда едут и узнав, что возвращаются в Азию, говорил им: весьма надобно беречься, сударыни, опасностей в таких долгих путешествиях. Мы, слава Богу, не видали их, ответствовала Роксана. Благодарю небо, говорил умильный Пахомий, что странствование ваше благополучно. — Что принадлежит до меня, я все на одном месте и живу здесь в совершенном спокойствии. Рыболовы снабжают меня рыбою, охотники дичиною, а виноградники ближних мест доставляют изрядное вино. Правда, прибавил отец Пахомий, что соседи мои дают мне довольно дела: возлагают на меня попечение о наставлении жен их и дочерей; но по щастию оне удивительное имеют к учению понятие. — Однакож сия работа, поистинне, тягостна. Бедный человек! сказала Роксана, как я о нем жалею. Я не достоин сожаления, подхватил монах, потому что имею к тому довольно силы, и сношу попечения свои с преданием себя на волю Божию. Между тем, мои прекрасныя сударыни, естли вам угодно, станем ужинать.

Оне сели за стол, и благодаря подрядчиков отца Пахомия, ужинали изрядниохонько. Между тем набожный пустынник весьма пристально смотрел на Роксану, а еще более на Ангелику. Какое удовольствие, говорил он сам себе, понаставить сих прекрасных неразумниц, я уверен, что оне грешницы или по крайней мере Магометанки.

Отец Пахомий принял решительное намерение попытаться на сию добычу, и почти не сомневался о успехе. Он

наставлял такое множество женщин, что нельзя было не знать их свойства. Он считал их местами так плохо укрепленными и обороняющимися, что по его мнению, лишь толк дойдет дело до пролomu, то они всегда сдаются. И так утвердился он в намерении атаковать и исполнить то мужественно.

Лишь только оне уснули, отец Пахомий вошел в их комнату и приблизился к постели. О святительская отважность, какая ты чудеса строишь! — Он прильнул с боку к Ангелике. Ей привиделось в сию минуту, будто она находится в объятиях Ренода, мстящего ей за свои обиды. Наконец пробуждается от удовольствия и видит себя в объятиях отца Пахомия. Удивление, гнев, или может быть любопытство сделало ее безсловесною. Нельзя знать по истинне, какая была причина удивительного ее молчания, но то заподлинно известно, что она потеряла речь и даже память; ибо она не вспомнила и о волшебном кольце своем. Что же касается до отшельника, он не забыл ничего: он исполнил и то, чего Ренод не мог исполнить, и покрылся всеми миртами, кои любовь определяла некогда сему Рыцарю. Он пожал Розы.

Торжество, которого жаждали Цари, и славу, за которою тщетно гонялись Роланд и Ренод, щастием угодно было доставить отшельнику. Дорого бы он заплатил за дерзкие свои предприятия, если бы страже Ангеликин мог подать ей помощь; но он принужден был уступить превосходнейшей силе. По вшествии в пустынноческую комнату, пояс Ангеликин нечаянно как то прикоснулся к поясу отца Пахомия. Мы говорили о висящей на нем униженной маленькими шариками связке; ея то чудодейственная сила принудила бежать адского духа. Ангелика предана была судьбе своей! Как могла она в таком случае обороняться? Она была женщина.

Между тем страж Ангеликин приведенный в отчаяние собственным своим и Мирандиной дочери изнеможением, оказывал неистовство свое на море. Он собирает тучи, развазывает крылья ветров, производит молнию и мечет перуны. Поднимаются волны, море колеблется, берега наводняются, корабли поглощаются. От столбов Геркулесовых

даже до Дона воды вышед из берегов своих угрожают народам потоплением и всеобщим раззорением. Довольно шуму для девицы и для пустынного; но Адские духи при всей своей ярости в таком случае не согрозили бы ни отцу Пахомию ни Ангелике.

Княжна вытерпела гнев его с достойною ея твердостью. При всем несчастии в ночи приключившемся, встала она гораздо веселее и прелестнее, нежели была прежде. Она увидела отца Пахомия, и не только смотрела на него без гнева, но и совсем ему простила. Кротка подобно Агнцу прыгающему по лугам, нежна как дубравная горлица, она неимела ни малейшей ко мщению охоты. — Не думаешь ли ты, говорила она подруге своей, что Брамин сей вовсе неимеет никакого достоинства! — Ничуть не думаю, ответствовала Роксана, но долгая одежда его не сносна. Он одет точно так, как смотрители Азиатских женщин. Может быть одним только тем и похоже он на них, сказала Ангелика.

В следующую ночь, Роксана имела случай быть убежденною в достоинстве отца Пахомия. Он делал себе такую честь угощением странниц, что оне пробыли там долгое время. Наконец оставили сего доброго отца, уверив его, что оне до бесконечности почитают европейских Браминов.

Как только начали оне подъезжать к Магеллану, вышедшая из пристани шлюбка высадила трех человек на берег, кои седши на лошадей приблизились к нашим путешественницам. Одежда их была скромна, но обращение и разговоры не таковы были. Это были церковные особы; они предложили дамам свое сопровождение и хотя им в том отказано было, но они не переставали за ними следовать. Сия компания беспокоила Ангелику, особливо, когда они въехали в лес, которым надобно было проезжать к Эгеморту; но щастие не хотело более предавать их в священные руки и уготовило им избавителей. Оне тотчас увидели четырех рыцарей, от которых прежние их спутники пустились бежать во весь опор.

Двое из сих кавалеров сошедши с лошадей, подняли шлемы свои и подошли к путешественницам. Благоприятное и учтивое обращение отличало их от прежних цер-

ковных особ. Они ехали из Эгеморта, но согласились возвратиться туда единственно для провождения прекрасных незнакомок.

Младший из сих рыцарей хотя и неимел столь воинственного виду, как Ренод, но черты лица его гораздо были приятнее и милее. Можно сказать что это была Павская богиня в доспехах бога Фракийского. Ангелика взидала на него со умилением и неприметно становилась к нему чувствительною. Что до него касается, глаза его на нее только устремлены были. Несчастный! какими стрелами пронзен он был и какою пагубною любовью воспламенился!

Имя мое Медор, говорил он Ангелике. Я родился в Аравии. Осмай и я, продолжал он указывая на другого воина, мы ехали для приобретения славы под знаменами Аграма-на и Марсиля; но признаюсь, милостивая Государыня, что слава в одно мгновение потеряла в глазах моих все свое блистание. Она не стоит щастия видеть вас, служить вам и жить под вашими повелениями. Ангелика ответствовала одним только взором, но тем сказано уже довольно.

По въезде в город услышали они о совершенном разбитии магометанской армии и о подвигах двух христианских рыцарей. Ангелика узнав, что сии живы, обрадовалась; но Медор, один уже Медор занимал ее. Она его только видела, о нем думала, его только желала. Медор сделался единственным предметом ее желаний, услаждением ее сердца, прелестью ее жизни. Естли они разлучились хотя на одну минуту, не терпеливо желали видеться; естли были вместе, не хотели разстаться. Они обещались взаимно любить друга друга вечно и никогда не разлучаться... Когда уже корабль, на котором им надлежало ехать в Египет, готов был, они пустились в море.

Между тем царица Кашемирская объята была смертельною горестию. Ее не долго печалило то, что происходило в пустыне отца Пахомия. Ангелика была женщина, отец Пахомий мущина: там ничего не было кроме человеческого. Но печаль ее происходила от пламенной страсти Ангеликиной к Медору. Сия любовь могла продолжить отсутствие любимой ее дочери. Миранда довольно ведала, что

как бы ни велика была дочерняя нежность к матери своей, но она никогда не согласится из доброй воли предпочесть матерния обаяния любовниковым. Волшебница не хотела употребить насилия, зная что сей способ чувствительно огорчил бы Ангелику; да он же был и не верен потому, что волшебное кольцо ея составляло довольную оборону.

Она прибегнула к обыкновенному своему советнику прорицалищу Татарскому, от которого сие только в ответ получила: *не долго продлится*. Неясность слов сих усугубила Мирандию беспокойство. Она не знала, любовь ли, или жизнь ея дочери заключалась в сем прорицании. Неутешная царица Кашемирская находясь в вельком недоумении заключилась на целый день в чертогах своих и ни с кем не говорила ни слова.

Дочь ея прибыв в Дамьетту отправилась в Кользум простиравшимся от Нила до Красного моря каналом, а оттуда при благополучном плавании въехала в Аравийскую Натакскую пристань.

Медор был начальник одного Арабского селения отдаленного от Натака на двенадцать дней езды. Сей путь лежал чрез песчанья степи, в коих невидно было ни дерева, ни растения, ниже капли воды, и зной так был велик, что днем никак нельзя было путешествовать; но Ангелика странствуя с Медором, за ничто считала усталость, зной и сии бесплодные долины.

Посреди сих знойных пустынь узрели они наконец Медорово владение. Оно подобно было острову окруженному песчаным морем. Из под каменистых гор изтекали самые чистые ключи и разливаясь по полям производили на них плодородие. Земля покрытая во всякое время зеленью произращала всегда цветы и плоды. Древа раждающие ароматы и точащая балсам и все благоухания аравийския росли там без возделывания. Ни в какой части земли природа не являла столько чудесной силы своей и роскошества, сколько в той щасливой стране показала.

В столь прелестных местах по видимому нарочно для любви произведенных Ангелика и Медор наслаждались приятнейшим жребием. Они достигли до совершенного ща-

ствия любовникам предназначенного, как между тем Роланд доходил до высочайшей степени нещастия.

Волшебник Могис надеясь излечить Рыцаря от любовного безумия, известил его, что Ангелика находилась с Медором и весь свет забыла. Но сия новость вместо изцеления повергла Роланда в самое отчаянное состояние. Сей мужественный противу врагов своих вовне, был против самого себя безсилен и умел все побеждать кроме собственного сердца. Он впал в мрачную задумчивость, разум его смутился, рассудок исчез вовсе. Для чего умалчивать о том, что всякому может быть известно. Жалости достойный Роланд раздирает одежду свою, бежит обнаженный на поля, вырывает древа, терзает пастухов и стада, убивает все представляющееся ему Медором или неблагодарною Ангеликою. Он в неистовстве своем учинил все чрезвычайности столь живо изображенные приятно Музою, которая доставила нам картину оных.

Но Ренод услыша о любви Ангеликиной к Медору, совсем другое чувствовал. Он искренно желал сей Княжне совершенного щастия, но во всю свою жизнь сохранил нежное и печальное воспоминание прелестей, кои обожал, и милостей, коими стол худо пользовался.

В то время, когда об Ангелике болезновала вся Европа, она уже менее находила удовольствия в Аравии. Волшебницы при рождении ея снабдили ее великими дарами; но потому ли, что оне считали за невозможное дать женщине постоянство, или по другой какой причине, нерадели нимало одарить дочь Мирандину сею добродетелию. Нам жить здесь очень приятно, говорила Ангелика Роксане; Медор и Осман нас обожают: я чрезвычайно люблю Медора; но все Медор! это может наскучить. Ах! Княжна, прервала Роксана, ты уже не любишь Медора. Ты обманываешься, говорила Ангелика, он мне любезен, и всегда таков будет: я в том клялась ему; но не заметила ты Роксана, что Изид, меньшой брат любовника твоего, смотрел на меня весьма нежными очами? я не давала Медору такого обещания, чтоб не давать ничего Изиде, еслибы он чего нибудь попросил у меня.

Изида не преминул представить ей свою прозбу, в которой Ангелика ему и не отказала. Их свидания были так часты и так не осторожны, что в один день Медор был свидетелем их забавы.

Сердце его поражено тем было смертельно. Он поднял отчаянный вопль. Боги! возопил он, Ангелика мне изменяет! Она больше не любит Медора! Вот клятвы! вот обещанная верность! вот нежная и верная любовь!.. Ангелика уже меня не любит!... жестокая... ты захотела отнять у меня жизнь... После сего ужасного вероломства... мне осталось только умереть. При сих словах отчаянный любовник пронзил кинжалом грудь свою.

Печаль Ангеликина была так же велика, как любовь ея. Она оросила слезами тело своего любовника, оплакивала с великим прискорбием жалкую его участь, обвиняла себя в вероломстве, возчувствовала к Изиде ужас и захотела оставить сии пагубныя места.

Она оставила оныя скорее, нежели надеялась. Миранда узнав о любви ея к Изиде поняла ясно, что склонность ея к переменам есть обыкновенная женская прихоть. Она заключила, что Ангелику увезти было удобно не причиняя ей великой горести тем более что и Медорова смерть могла к тому способствовать.

Невидимая рука перенесла Ангелику и Роксану во время сна их в Кашемирской замок. При пробуждении их все комнатныя женщины встали и явились к ним для прислуг, забыв то, что оныя на долгое время были прерваны.

Маранда прибыла в чертоги своей дочери. Ангелика находясь в смятении и страхе едва собрала столько силы, чтобы пасть пред нею на колени. Милосердая и снисходительная мать прижала ее к груди своей, не делая ей никаких выговоров и не говоря даже ни одного слова о прошедшем, о котором уже не вспоминают. Она нашла в Ангелике чудесныя прелести. Миранда думала, что путешествия весьма исправляют молодую особу. — Ты довольно жила в сих чертогах, сказала она дочери своей, скоро уже вступишь ты на девятнадцатый год; время, моя любезная дочь, явиться тебе при дворе.

При въезде их в Кашемир Княжна сидящая с царицею возбудила всеобщее удивление. Ни о чем не говорили кроме сей чудной красоты. Слава ея пронеслась во все Индийския государства. Двадцать царей отправили Послов к Кашемирской царице для испрошения у нее в супружество прелестной дочери воспитанной с таким попечением в отдаленности от человеков и развращения.

Агазев, Царь Бенгальской, в сем случае догадливее был других. Он приехал к ней сам. Княжна произвела в нем столько к себе почтения, что он произнося слово любовь, затрепетал. В тоже самое время чело Ангеликино, престол стыда и скромности, покрылось багрянностью. Государь, говорила она царю Бенгальскому, такие речи, каковыя теперь я от вас услышала, несколько новы для Княжны Кашемирской. Царица удостоит вас может быть вместо меня ответом.

Прорицалище упоминая о берегах Гангеса, по видимому указывало на царя Бенгальскаго. Царица согласилась отдать за него дочь свою и для брачнаго торжества назначила день.

Все волшебницы присутствовавшия при рождении Княжны приглашены были к сему торжеству. Миранда призналась им, что дочь ея имела все свойства данныя ей от них при рождении, но что она не могла верить, что бы Ангелика имела премудрость Султана Соломона. Не станем вещь сию так близко разсматривать, сказала ей волшебница Кавказия: не станем сравнивать Ангелику с сим великим Султаном, кроме некотораго только случая: Ангелика только имела троих или четверых любовников; а тот имел три или четыре тысячи любовниц: теперь скажите пожалуйста, в ком более премудрости? Наконец, продолжала Кавказия, если бы Ангелика захотела с ним сравниться, то с ея красотою и кольцом Градассовым от нее будет зависеть иметь столько любовников, сколько ей будет угодно. Она кажется имеет доброе к тому расположение, прибавила волшебница, и я весьма бы удивилась, еслибы она не попользовалась кольцом своим.

Брак Княжны Кашемирской празднован был совсем Индийским великолепием и всеми чудесами волшебства. На другой день Царь Бенгальской разговаривал с придворными своими только о торжестве ночи. Агазев подобясь большей части мужей, присвоивал себе такую честь, о которой бы, как нам кажется, ктонибудь имел право с ним поспорить.

Конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

Оригинальное издание «Поизмятой розы» вышло в свет в 1780 году и было означено как французский перевод поэмы итальянского поэта и гуманиста XV-XVI вв. Андреа Мароне (*Angélique, poème. Traduit de l'italien, d'Andrea Marone. A Florence, chez Gaëtan Viviani, 1780*). На самом деле книжечка представляла собой прозаическое сочинение анонимного и до сих пор не установленного французского автора.

Представленное здесь первое и единственное русское издание было опубликовано в 1790 г. и к началу XX в. числилось среди известных библиографических редкостей. Описание книжки можно найти, например, у А. Бурцева («Эта редкая книжка, есть восточная повесть, в которой весьма подробно описывается любовь и приключение Ангелики, красавицы Кашемира, рыцаря Роланда и графа Анжерского, племянника императора Карла Великого») и Н. Березина. Последний объясняет редкость книги принадлежностью ее к ряду изданий пикантного содержания: «Подобно “Пригожей поварихе” и другим книгам известного направления и содержания, книга зачитывалась и таким образом уничтожалась».

Своих героинь и героев, как и некоторые сюжетные коллизии, как легко догадается читатель, автор «Анжелики» позаимствовал из «Неистового Роланда» Л. Ариосто и «Влюбленного Роланда» его предшественника М. Боярдо. Упомянутый в книге архиепископ Турпин — реальное историческое лицо, архиепископ Реймса Тильпин (Тульпин), живший в VIII в.; ему приписывалось авторство поддельной хроники «История Карла Великого», созданной в XII в.

Книга публикуется по первоизданию с сохранением орфографии и пунктуации оригинала, за исключением устаревших Ъ, Ы и І; в тексте исправлены некоторые очевидные опечатки. В оформлении обложки использован фрагмент фрески второй половины XVI-первой трети XVII в. из палаццо Беста в Тельо (Италия).

ТЁМНЫЕ СПАСЕНИЯ

SALAMANDRA P.V.V.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.